

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-05-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-05-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопап Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jvlarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрации ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова УрО РАН, ,заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. г Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, р.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailevan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Исмаилов Н.О. Взаимосвязь прав и свобод человека в контексте справедливости	1
Некрасов С.Н. Возрождение метафизики и актуальность диалектики	10
Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Глобализация в формате многополярности: философско-мировоззренческое обоснование глобополицентризма	20
Нижников С.А., Марцева А.В., Лагунов А.А. Типология философских мировоззрений: пантеизм и его разновидности	34
Загрядская А.С. Ренессанс как эстетический механизм: эпоха Возрождения и русский Серебряный век	44
Англоязычные метаданные	55

Contents

Ismailov N.O. The relationship of human rights and freedoms in the context of justice	1
Nekrasov S.N. The rebirth of metaphysics and relevance of dialectics	10
Guryanov N.Y., Guryanova A.V. Globalization in the format of multipolarity: philosophical and worldview foundation of globopolycentrism	20
Nizhnikov S.A., Martseva A.V., Lagunov A.A. Typology of philosophical worldviews: pantheism and its varieties	34
Zagryadskaya A.S. Renaissance as an Aesthetic Mechanism: the Renaissance and the Russian Silver Age	44
Metadata in english	55

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Исмаилов Н.О. Взаимосвязь прав и свобод человека в контексте справедливости // Философская мысль. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.4.70373 EDN: EHCJUM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70373

Взаимосвязь прав и свобод человека в контексте справедливости

Исмаилов Нурмагомед Омарович

ORCID: 0000-0003-4935-4902

кандидат философских наук

доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, ул. Ленинградский Проспект, 49/2, оф. 0617

✉ NOIsmailov@fa.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.4.70373

EDN:

EHCJUM

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2024

Дата публикации:

11-04-2024

Аннотация: Исследуется проблема взаимосвязи и взаимообусловленности различных прав и свобод человека и гражданина в свете концепции социальной справедливости. Рассматриваются проблема справедливой меры прав и свобод человека и гражданина, утверждается, что справедливая мера прав и свобод в любой сфере жизнедеятельности человека должна изначально исходить из идеи естественных прав человека на жизнь, свободу и собственность, но эта мера должна быть обусловлена конкретно-историческими реалиями данного общества. В качестве меры свободы автор рассматривает социальную справедливость. В ходе исследования вопросов, связанных с проблемой прав и свобод человека, автор исходит из теоретического положения о том, что все экономические, политические и духовные права и свободы взаимосвязаны и

взаимообусловлены. Автор исследует проблему прав и свобод человека и социальную справедливость, используя принцип развития, аксиологический подход и критерий практики. Автор исследует различные аспекты свободы под углом зрения понятия социальной справедливости, в контексте взаимосвязи свободы и ответственности, прав и обязанностей. Проблема различных прав и свобод человека исследуется автором в контексте их взаимосвязи и взаимообусловленности. Утверждается, что основой политической и духовной свободы является, прежде всего, экономическая свобода, но при этом подчеркивается ценность духовных и политических прав и свобод самих по себе. Автор трактует проблему прав и свобод человека и социальную справедливость в качестве инструментов при отражении реалий современного мира и пытается выявить в них идеи, которые могут быть использованы в современном обществе для решения существующих в нем задач. Проблема требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова:

социальная справедливость, свобода, мера свободы, равенство, нравственность, ответственность, обязанности, государство, право, интересы

Введение

Данная работа является дальнейшим дополнением и развитием отдельных положений, изложенных нами в более ранних работах, с учетом новых реалий [\[5, 6, 7\]](#). Проблема прав и свобод человека и гражданина, вопросы реализации свободы в экономической, политической и духовной сферах общественной жизни приобрели особую актуальность в жизнедеятельности современного общества. И возрастающий интерес к этой проблеме в общественных науках закономерен. Особое внимание к ней проявляется в социальной и политической философии, философии права. Вопросы, связанные с этой проблемой, необходимо рассматривать в контексте категории социальной справедливости, ибо они составляют важный аспект осмысления этой категории.

Однако первоначально мы изложим наше понимание понятия социальной справедливости, и только после этого перейдем к исследованию обозначенных здесь вопросов в контексте этого понятия. Социальная справедливость – это, как мы считаем, в первую очередь, право человека на свободный труд, свободную деятельность вообще и создание в обществе соответствующих для такой деятельности условий. Такое понимание и определение социальной справедливости является фундаментальным в наших воззрениях на это понятие. Такая первоочередная трактовка социальной справедливости отличается от других традиционных её определений. Также это соответствие между трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием.

Целью нашей работы является выявление взаимосвязи и взаимообусловленности прав и свобод человека в различных сферах жизни общества. Политические права и свободы человека, либо духовную свободу можно более полноценно исследовать только в единстве с экономической свободой, в контексте экономических возможностей отдельной личности, социальной группы и общества в целом.

Проблема, которую мы хотим обозначить в статье, заключается в том, что возможное мнение о том, что осмысление и реализация прав и свобод, к примеру, в политической сфере возможны и без учета состояния в иных сферах жизнедеятельности человека, является ошибочным. Конечно, можно исследовать, к примеру, проблему политических

прав и свобод человека вне контекста экономических реалий данного общества. Однако такое исследование не может быть полноценным. Правда, исследователь может преследовать цель более узкого изучения проблемы, когда его может больше интересовать, к примеру, именно свобода слова, либо свободы мысли и т. д. Разумеется, мы не претендуем в данной работе на исчерпывающее выявление обозначенной проблемы. Но для нас в большей мере важен комплексный подход к вопросам, которые связаны с этой проблемой.

Методология исследования

Главное положение методологической основы, используемой нами в данной работе, заключается в необходимости исследования любой общественной проблемы, включая и проблему, обозначенную здесь нами, в единстве всех сфер общественной жизни, их взаимосвязи и взаимообусловленности.

В качестве методологической основы исследования взаимосвязи и взаимозависимости прав и свобод человека в контексте справедливости мы используем принцип развития. Согласно этому принципу, права и свободы человека, следует исследовать в становлении, изменении и развитии. Рассматривая данное явление в обществе исторически, мы можем лучше понять состояние этой проблемы в условиях современных реалий.

Также мы используем аксиологический подход, выявляя отношение человека к его правам и свободам в контексте ценностей данного общества.

Оценивая явления общественной жизни, мы используем критерий практики, то есть учитываем, насколько уровень прав и свобод в данном обществе в реальной практике позволяют ему функционировать более успешно.

Одно из основных положений нашей работы - необходимость наличия в данном обществе не только формального, но и фактического равенства всех перед законом, которое мы считаем одним из главных гарантов реализации социальной справедливости, прав и свобод.

Результаты исследования

Свобода – это право индивида ради достижения собственных целей делать абсолютно все, что не противоречит справедливым интересам остальных.

Затронутый нами вопрос с необходимостью требует определения меры свободы, меры прав и свобод в различных сферах жизнедеятельности человека и общества. В этой связи укажем, что, согласно нашим воззрениям, мерой свободы в жизнедеятельности человека, всех его прав и свобод нам видится справедливость. Свобода отдельного человека или любого субъекта общественной жизнедеятельности должна соотносываться с понятием справедливости, она должна быть справедливой. В субординации этих категорий приоритет мы отдаем справедливости. Права и свободы человека и гражданина должны иметь справедливую меру. Однако динамика общественной жизни предполагает постоянное расширение этой меры.

Теоретическое исследование справедливости приводит к заключению, что в обществе, где мера прав и свобод человека была на очень низком уровне, не следует ее повышать скачкообразно до слишком высокого уровня. Ж. Ж. Руссо предостерегал власти от такого резкого повышения уровня свободы для людей, не привыкших к такому уровню. Он полагал, что высокая мера свободы способствует более успешной жизни личностей

разумных и ответственных, но только ухудшает жизнедеятельность индивидов не очень разумных, безответственных, тех, кто не способен осознать необходимость придерживаться определенной меры свободы [\[13, с. 33\]](#). Искусство управления обществом не предполагает резкие переходы в государственной политике от чрезмерной строгости к слишком большим послаблениям для народа. Такая политика способствует резкому ослаблению власти и деградации общества, полагал Ф. Бэкон [\[3, с. 392\]](#).

Справедливую меру прав и свобод человека в любой сфере жизни общества изначально следует трактовать в контексте естественных прав человека на жизнь, свободу и собственность, полученную личными трудовыми усилиями. Однако, исходя из диалектической трактовки истины, отметим также обусловленность этой меры данными историческими реалиями жизни общества, его возможностями.

Фундаментальная функция государства видится нам в обеспечении своим гражданам возможности использовать уже имеющиеся у них естественные права, в обеспечении для них правового порядка и безопасности. В справедливом и правовом государстве человек может иметь юридически гарантированную возможность заниматься собственным делом и платить предусмотренные законом налоги. И такие условия для него гарантируются именно государством. Главным гарантом свободы выступает в этой ситуации право [\[5, с. 36\]](#). В этом плане можно согласиться с исследователями, которые полагают, что в современном обществе позитивное право, базирующееся на естественном праве служит фактором стабильности и справедливости [\[2, с. 7\]](#).

Но если рассматривать проблему прав и свобод в контексте социальной справедливости в становлении и развитии, то есть исторически, то мы с сожалением укажем, что не на всех исторических этапах развития общества государство могло обеспечить своим гражданам такие права и свободы. Таковы были исторические реалии. В истории различных обществ были ситуации, когда историческая необходимость требовала ограничения отдельных прав. К примеру, возможности реализации социальной справедливости зачастую ограничены экономическими возможностями данного общества. Такова диалектика сфер общественной жизни. Рассматривая историческое развитие общества, можно констатировать наличие всё больших объективных возможностей для обеспечения человеку более высокого уровня прав и свобод. С. Г. Москаленко указывает на тот факт, что государство и общество в историческом развитии «движутся от хаоса и размытых форм к упорядоченной структурности, к отчетливости формообразования и иерархической организации цивилизационной культурноисторической и политико-правовой материи» [\[12, с. 215\]](#). Также можно сослаться на взгляды Д. Локка, отмечавшего, что свобода человека в государстве возможна только в рамках подчинения законодательной власти [\[4, 10, с. 274\]](#).

В природе, как известно, существуют свои законы, которые носят объективный характер. Человек не может их отменить, не может не считаться с ними, но познать их он способен. Это относится и к жизни общества. То есть адекватное отражение жизнедеятельности общества предполагает постижение ее объективных законов, из которых следует взаимосвязь свободы и ответственности любого субъекта общественной жизни за свои деяния.

Справедливая мера свободы в конкретном обществе предполагает юридически закрепленные обязательства человека относительно справедливых интересов остальных людей. Этому должны способствовать и моральные нормы данного общества. Также на государственном уровне необходима политика формирования соответствующего

морального сознания и правосознания, соответствующего мировоззрения. Важная роль в решении этой задачи отводится политическим мерам и правовому регулированию по воздействию на жизнедеятельность общества, но и нравственному воспитанию личности. Отдельные исследователи правомерно указывают на важную роль нравственно-гуманистического вектора развития общества, который способен предотвратить снижение значимости человеческой жизни в современном мире [\[1, с. 71\]](#).

При этом практическое обеспечение справедливой меры прав и свобод предполагает формирование действительно правового государства, содержащего в себе в качестве обязательных элементов не только права и свободы во всех сферах его жизнедеятельности, но также соответствующие обязанности и ответственность за свои деяния.

Исходя из основных принципов диалектики, меру свободы, которая явно отличается на разных исторических этапах в различных обществах, мы считаем оправданной и справедливой. Это следует из положения о конкретности истины. Данный народ может иметь эту меру, обусловленную, помимо всего прочего, исторически. Главными детерминантами этого уровня выступают экономические возможности данного общества, политические, правовые, моральные традиции, исторически сложившиеся в нем. К примеру, одним из серьезных препятствий расширения этой меры может служить отсутствие в данном обществе демократических традиций, низкий уровень правосознания и политической культуры.

Не каждый человек способен адекватно распоряжаться предоставленной ему свободой. Она для некоторых индивидов оказывается завышенной и «одурманивает» их. Возможны ситуации, когда человек в мировоззренческом плане не подготовлен к этому завышенному уровню. Также может иметь место ситуация, когда человек опасается ответственности за предоставленную меру свободы. Он по доброй воле согласен быть ведомым и возлагать бремя ответственности, за принимаемые судьбоносные решения его жизнедеятельности на других [\[5, с. 37\]](#). Именно в таких случаях может иметь место социальное явление, которое Эрих Фромм охарактеризовал как бегство от свободы [\[14\]](#).

Если строго придерживаться теоретических положений в осмыслении справедливости, то отметим, что мера ответственности, должна быть обозначена не только в формальном юридическом равенстве, как, возможно, могут полагать отдельные исследователи, но, как мы небезосновательно считаем, также и в фактическом равенстве всех граждан перед законом. Ибо формально равные граждане могут иметь разные возможности использования правовых гарантий. При этом ответственность членов данного общества не может не зависеть от степени развитости сознания общества в целом. И этот момент должен быть учтен при составлении правовых норм и проведении соответствующей политики государства. Также она определяется различного рода отношениями, исторически сложившимися в данном обществе.

Если попытаться определить свободу и социальную справедливость применительно к политико-правовой сфере, то важнейшие составляющие этого определения должны выражаться в реальном праве участия граждан страны в вопросах, связанных с управлением ею. При этом такие политические права могут быть основаны на праве собственности. При отсутствии права собственности политические права сами по себе не обеспечивают полноценной свободы. Наличие права собственности способствует развитию истинной демократии, более адекватному выражению воли широких масс [\[7, с. 140\]](#). Такое положение с необходимостью вытекает из диалектики различных сфер жизни

общества.

Здесь мы внесем важное уточнение. Здесь подразумеваются возможности правовых гарантий для гражданина в участии управления обществом, поскольку не все граждане желают пользоваться таким, даже юридически гарантированным правом, либо опасаясь ответственности, либо по иным причинам. Известный российский философ В. В. Миронов справедливо полагает, что человека можно считать «существом политическим», как только «он начинает функционировать в качестве субъекта общественной жизни» [\[11, с. 69\]](#). Мы согласимся с этим положением. Но зададимся риторическим вопросом, можно ли считать человека полноценным субъектом общественной жизни, полноценным «существом политическим», если он не желает быть активным субъектом политических процессов, даже зачастую не желая принимать участие в политических выборах, не желает принимать участие в решении судьбоносных общественных вопросов.

Политические и правовые институты данного общества должны вести свою деятельность исключительно ради обеспечения благополучия своих граждан, выражать их справедливых интересы. Также следует считать формой социальной несправедливости политику ущемления государством интересов своих граждан в целях выражения им своих (аппаратных) интересов. В таких обозначенных нами последних ситуациях, пусть и теоретически, но возможна тенденция к тирании.

В исторической практике разных стран имели место ситуации неспособности человека быть активным субъектом социально-политической жизни по причине чрезмерной его «опеки» со стороны государства, различных социальных и политических институтов. Ситуация, когда человек является объектом такой опеки, не способствует полноценной реализации его личностного потенциала.

Согласно нашим теоретическим выводам, любые права и свободы в политической и духовной сферах без свободы в экономической сфере ещё не могут сделать человека действительно полноценно свободным. Это может быть лишь видимостью подлинной свободы.

В ситуации, когда широкие слои народа в реальной политической практике отстранены от фактического участия в управлении государством, не обладают в должной мере политическими правами и свободами, но каждый имеет реальную возможность беспрепятственно заниматься своим делом в экономической сфере, то, как правило, они не слишком проявляют свое недовольство. Но когда народ не обладает экономической свободой, при этом, зная о том, что политическая власть использует общественные блага в собственных интересах и обладает привилегиями, то такая ситуация возмущает народ как проявление социальной несправедливости.

Подлинная экономическая свобода позволяет человеку создавать определенный запас достойных для его бытия условий жизни, позволяет не быть зависимым от кого-либо в материальном плане. Экономические возможности позволяют человеку развивать свои способности, повышать знания, обогащаться в творческом плане, в большей мере позволяют также познавать свои истинные интересы. Экономическая свобода с большой долей вероятности может повысить его роль в качестве субъекта социальных и политических процессов. Обладая собственностью, человек с необходимостью вынужден быть активным и в политической сфере, использовать свои политические права. Отдельные авторы подчеркивают взаимосвязь между экономической свободой человека и укреплением его отношений с государством, что качественно повышает уровень его свободы [\[9, с. 11\]](#).

Обеспечение человеку прав и свобод в политической сфере с необходимостью предполагает гарантию свободомыслия для него, свободу печати, слова, политических и моральных убеждений, религиозных воззрений. Он не должен опасаться политического преследования, юридического наказания, морального осуждения за свои убеждения, если только эти воззрения не задевают честь и достоинство остальных, например, эти воззрения не могут быть нацистскими, расистскими и т. п. Согласно справедливости, эти права и свободы предусматривают юридически закрепленную ответственность.

Эти права и свободы имеют высокую значимость также для осуществления социальной справедливости в духовной сфере жизнедеятельности человека. К числу важнейших его прав относится свобода совести, свобода религиозных воззрений, ибо вопросы религиозной веры и совести составляют для него область его личных убеждений и, согласно социальной справедливости, не должны подчиняться юридическим законам, они обусловлены естественным правом. Юридические законы должны распространяться только на конкретные деяния людей, наносящих ущерб справедливым интересам остальных. Видный представитель социальной и политической философии Джон Роулс (Ролз) полагал, что стабильное и справедливое общество изначально предполагает равные права и свободы для всех граждан, разделенных различными религиозными, философскими и моральными воззрениями, если эти воззрения не препятствуют реализации правомерных интересов остальных [\[15, p. 20\]](#).

Диалектически исследуя жизнедеятельность общества, принимая во внимание взаимосвязь всех его сфер, мы делаем заключение о взаимосвязи и взаимозависимости всех прав и свобод человека, их правового обеспечения, обязанностей и ответственности во всех сферах жизнедеятельности человека. Однако требования подлинной социальной справедливости предполагают не только получение гражданином юридически гарантированной возможности реализации каких-либо благ, но и посильное его участие в борьбе за соблюдение норм справедливости данного общества, за общественные интересы [\[6, с. 44\]](#).

Благополучие отдельной личности взаимообусловлено с благополучием общества. Реализация обозначенных нами задач с необходимостью предполагает определенный уровень политического, правового и морального сознания, определенной культуры, соответствующего мировоззрения. Общество и государство должны проводить определенные меры в этом направлении. Некоторые люди желают достижения социальной справедливости, особенно в ситуации, когда ущемляются их собственные права и свободы, но при этом не желают прилагать собственных усилий для ее осуществления, ожидая помощи от властей. Однако «без участия отдельного гражданина в реализации справедливости в обществе, при «заговоре равнодушных», её осуществление невозможно» [\[5, с. 39\]](#). В юридическом плане человек, по справедливости, может надеяться на помощь государства и властных структур в обеспечении ему достойных условий жизнедеятельности, но в то же время он не имеет морального права на эти блага, если не прилагает для этого собственных усилий.

Подлинно свободных людей характеризует гражданская ответственность, высокий уровень правосознания и нравственности. Можно согласиться с воззрениями А. М. Ковалёва, полагающего, что принцип «нет прав без обязанностей, как и наоборот» отражает то, что «человек живёт в обществе, составляет часть общественного целого и подчиняется этому целому» [\[8, с. 561\]](#).

Заключение

Итак, осуществление социальной справедливости в жизни общества требует наличия у граждан экономической свободы, прав и свобод в политической и духовной сферах, равные для всех правовые условия деятельности, формальное и фактическое их равенство в отношении правовой ответственности. Решение этих задач также предполагает активное участие граждан в жизни общества. При этом различные права и свободы людей с необходимостью предполагают ответственность за свои деяния. Это является обязательным условием полноценного функционирования и развития общества.

Главным выводом нашей работы является положение о взаимосвязи и взаимообусловленности политических прав и свобод человека в различных сферах общественной жизни. Политические права и свободы человека, либо духовная свобода могут быть более полноценно осмыслены и реализованы только в единстве с экономической свободой, в контексте экономических возможностей отдельной личности, социальной группы и общества в целом. По мере исторического развития общества и государства, у различных организаций, представляющих государство, появляется все больше возможностей для предоставления гражданам более высокого уровня различных прав и свобод.

Библиография

1. Ахмедова М. Г. Устойчивое развитие общества в условиях социального неравенства // Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 12. С. 70-73.
2. Баранов П. П., Шпак В. Ю. Политическое право в многообразии своих определенностей: философский анализ // Философия права. 2007. № 1 (20). С. 7-15.
3. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2.-М.: Мысль. 1972. – 582 с.
4. Исмаилов Н. О. Концепция справедливости Джона Локка // Социодинамика. 2022. № 9. С. 10-17.
5. Исмаилов Н. О. Права и свободы человека в свете концепции справедливости // Теория и практика общественного развития. 2014, № 3. С. 36-40.
6. Исмаилов Н. О. Социальная справедливость и развитие личности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (26). С. 40-45.
7. Исмаилов Н. О. Справедливость как мера свободы // Социология власти. 2009, № 7. С. 136-144.
8. Ковалёв А. М. Справедливое общество – утопия или возможность. М.: Современные тетради, 2005. – 698 с.
9. Комаров С. А., Ростовщиков И. В. Личность. Права и свободы. Политическая система.-СПб.: Изд-во Юридического института, 2002. 334 с.
10. Локк Д. Сочинения В 3-х т. Т. 3.-М.: Мысль, 1988.-699 с.
11. Миронов В. В. Власть как предмет социально-философской рефлексии // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 69-72.
12. Москаленко С. Г. Топологическая специфика политико-правового развития российской цивилизации // Философия права. 2023. № 2 (105). С. 212-219.
13. Руссо Ж. Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969,-712 с.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: АСТ, 2006. 571(5)с.
15. Rawls J., Political Liberalism. New-York: Columbia University Press, 1993. 464 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: "Взаимосвязь прав и свобод человека в контексте справедливости" представляет собой авторское исследование актуальной для современного общества проблемы - социальной справедливости. Автор/ы исследуют данную тему во взаимосвязи прав и свобод человека.

Статья структурирована и содержит введение, методологический раздел, обсуждение и результаты проведенного исследования. Во введении автором/ами сформулирована и обоснована актуальность исследования, поставлена цель работы и определена основная проблема работы.

Методологический раздел содержит предлагаемые для использования в исследовании принципы, подходы и критерии: принцип развития, аксиологический подход и критерий связанности с практикой. Данное обстоятельство следует оценить положительно, так как такое сочетание позволяет авторам сделать свое исследование оригинальным.

Анализ статьи показал, что в ней предпринята попытка разработки авторской трактовки понятия "социальная справедливость", которая непосредственно связана с правом на труд и свободную деятельность, а, также, создание необходимых для них условий. Таким образом, считаем, что авторами осуществлена попытка внести собственный вклад в развитие теории науки в части трактовки отдельных понятий и определений категориального аппарата. В этой части работы также очевидна некоторая имплементация авторской идеи к пониманию сущности и содержания "социальной справедливости", с учетом позиций отдельных ученых, ссылки на которых представлены в статье.

В статье также представлены позиции классиков зарубежной философии (Ж.Ж. Руссо, Дж. Локк и др.) о свободе и искусстве управления обществом, а, также, роли государства и права как главного гаранта для отдельного гражданина так и общества в целом заниматься свободно собственной деятельностью.

В статье представлены выводы, в которых указано на взаимосвязь социальной справедливости с экономическими факторами, прежде всего.

Таким образом, можно сделать вывод, что рецензируемая статья обладает определенной научной ценностью в связи с представленными в ней научными результатами.

При подготовке статьи авторами была использована необходимая научная литература - монографические исследования, научные статьи, работы известных философов современности и др. Количество источников в библиографическом списке составило 15. Следует положительно отметить, что статья написала хорошим стилем, что позволяет заинтересованному читателю легко воспринять ее содержание. В этой связи, полагаем, что статья будет представлять интерес для широкого круга читателей.

Таким образом, исходя из вышеизложенного считаем, что научная статья на тему: "Взаимосвязь прав и свобод человека в контексте справедливости" соответствует предъявляемым требованиям к такому виду работ и она может быть рекомендована к опубликованию в искомом научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Некрасов С.Н. Возрождение метафизики и актуальность диалектики // Философская мысль. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.4.68865 EDN: MSYGBA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68865

Возрождение метафизики и актуальность диалектики

Некрасов Станислав Николаевич

доктор философских наук

профессор, кафедра культурологии и дизайна, Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина; главный научный сотрудник Уральского государственного аграрного университета

620002, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, оф. И-314

✉ nekrasov-ural@yandex.ru

[Статья из рубрики "Диалектика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.4.68865

EDN:

MSYGBA

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2023

Аннотация: Объектом исследования статьи является возрождение софистики в современных условиях конфликта цивилизаций и гибридных войн. Предметом исследования является общественная история рождения метафизики и формальной логики, формирование индуктивной логики и диалектического метода в познании. Поскольку противоположностью диалектического мышления выступают софистика и эклектика, то возникает необходимость каждый раз на новом витке исторического развития обращаться к переосмыслению противоположности диалектики и новейших форм метафизики, то есть софистики и эклектики. Эти способы мышления в новом тысячелетии используются не только в философских и научных исследованиях, но и в публицистике, в международных отношениях, в реальной внешней и внутренней политике. На первый взгляд, достаточно просто подвергнуть публицистической критике современное постмодернистское мышление коллективного Запада. Однако важнее обратиться от следствия к причине – происхождению метафизики и пониманию способов борьбы с софистикой в истории философии, начиная с логики и гносеологии Аристотеля. Зачинатель философии нового времени Ф. Бэкон, считавший, что Аристотель ничем не

был полезен человечеству, и преодолевший в своей теории познания и логике схоластический аристотелизм, продолжил общее дело науки. Все философы и логики до Ф. Бэкона были убеждены как идеологические представители правящих классов, что общие, существенные знания надо брать из ума, а не из опыта. Но Ф. Бэкон предложил занять позицию практики и для обеспечения истинного познания придерживаться принципов научной индукции. Эта логика превращения новых знаний в новые предметы в капиталистическом производстве выступила как логика согласия людей. А движение от научной бэконовской теории познания через гегелевскую диалектику к марксистско-ленинскому учению о диалектическом методе познания обеспечивает сохранение развития научного мировоззрения в борьбе с возрождением современной метафизики.

Ключевые слова:

историческое развитие, диалектика, метафизика, формальная логика, закон исключенного третьего, узкий горизонт, диалектическая логика, капитализм, мировая война, софистика

Введение

В противовес платным школам античных софистов Аристотель создал свою школу, в которой учил, как надо бороться против лжи: ведь если рассуждать о вещах, принося сами вещи, нельзя, то приходится именовать вещи и рассуждать об именах, то есть искать истину. Великим мыслителем вскрываются объективные сложности познания и причины возможной манипуляции со словами, понятиями и смыслами, чем занимаются и современные софисты. Философ выделял позицию знающего, которая заключается в поиске правды, однако он отмечал различие знающего и софиста по целям и задачам в споре, то есть в исследовании. Софисты античности для доказательства своих теорий приводили свои примеры, а Аристотель своей логикой разоблачал эти софистические примеры, которые активно используются современными софистами. Поскольку софисты осознанно подменяли понятия, путали верные суждения с ложными и неправильно строили свои умозаключения, то Аристотель считал долгом ученого разработать учение о правильном употреблении понятий, суждений и умозаключений. В борьбе с подменяющими понятия софистами Аристотель разработал правила определения понятий: каждое понятие определять надо так, чтобы определяемое понятие нашло свой признак рода и свой признак видового отличия. И этот научный способ определения дожил до XX в. – вплоть до ленинского определения материи.

В результате возникла линия единого научного дела познания истины, объективно идущая от Аристотеля к Ф. Бэкону, далее к Г. Гегелю и К. Марксу, затем В.И. Ленину. Эта линия борьбы за науку против схоластики и метафизики возникает объективно и независимо от сознания тех или иных мыслителей и их отношения к собственным предшественникам. Сегодня история вновь ставит вопрос о ясности и научности мышления человечества, переходящего в новый технологический уклад и преодолевающего насильственную капиталистическую глобализацию. Это значит, что меняется роль философии, которая не может более заниматься постмодернистскими играми, а должна послужить в поисках правды и справедливости объединяющемуся на новых основах человечеству. Речь идет о востребованности диалектической материалистической философии и гносеологии.

Возникновение в философии линии единого научного дела познания истины

В работе «К вопросу о диалектике» В.И. Ленин в момент осмысления возникающего империализма накануне Первой Мировой войны писал: «У Маркса в „Капитале" сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке" буржуазного общества) *в с е* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества». Он заключил, что из простого выводятся все прочие противоречия и потому «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики). Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с *предложения* любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть *диалектика*: отдельное е с т ь о б щ е е» [\[1, с. 318\]](#). А поскольку объективно всякое общее есть частичка или сторона, сущность отдельного, то здесь есть элементы, зачатки понятия необходимости, объективной связи природы, то есть возникает возможность познания объективной закономерности, но выдумки софистов во все времена концентрируются в работе с суждениями и спекулируют на неправильном понимании связи общего и отдельного. Вновь и вновь софистика громоздит «спекулятивную конструкцию» как идеализм формирует абстракцию отдельно существующего «плода вообще». «Дом вообще» наряду с видимыми домами не видел и Аристотель.

Именно на это обращал внимание учитель Александра Македонского, ведь суждения - это мысли, в которых что-либо утверждается или отрицается. Это элементарные формы мышления людей, в которых мы находим утверждения и отрицания признаков предметов. С позиции Протагора в изложении Секста Эмпирика, «человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [\[2, с. 316\]](#). Получалось, он «говорил, что все продукты воображения и все мнения истинны и что истина принадлежит к тому, что относительно, вследствие того, что все явившееся или представившееся кому-нибудь существует непосредственно в отношении к нему» [\[2, с. 317\]](#).

На самом деле, как показал Аристотель, это отнюдь не так. Есть суждения истинные и есть ложные. Если мы возьмем те же противоречивые суждения, то одно из них обязательно будет ложным, а не истинным. И это закон противоречия, свидетельствующий, что два противоположных суждения не могут быть одновременно истинными. Но тут возникает строгий закон исключенного третьего: либо да, либо нет, третьего не дано. В формальной логике это именно так, как в «Анти-Дюринге» показал Ф. Энгельс: «посадить на рога дилеммы» означает выбрать по-библейски – либо да, либо нет. Г. Гегель как выдающийся представитель диалектической логики, прямо противоречащей формализму Аристотеля и универсализму формальной логики, позволил в полном объеме перейти к овладению диалектическим методом мышления.

Реальная жизнь действительно не укладывается в метафизическую формулу народного гадания на ромашке «любит-не любит - плюнет - поцелует - к сердцу прижмёт - к черту пошлёт» и т.д. [\[3\]](#). И Ф. Энгельс указывает: «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями; речь его состоит из: "да – да, нет – нет; что сверх того, то от лукавого". Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время

иной... Метафизический способ понимания, хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием – их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса» [\[4, с. 21\]](#).

Против лжи надо бороться, а не учить за плату, как лучше солгать, чтобы поверили. Много самых разнообразных и частных суждений встречается в современной жизни. Но надо знать основное: в суждениях не все истинно, как думали и пытались доказать софисты, поскольку в суждениях много лжи. И главный первый признак наличия лжи – это существование прямо противоположных суждений.

Для знакомства с суждениями достаточно знать их основные виды и то, как уже Аристотель использовал противоречивые суждения в борьбе против современных ему софистов и софистики. Эти суждения фиксируют стабильные предметы, но не сами процессы – таково ограничение формальной логики, когда требуется логика диалектическая.

Аристотель ставил вопрос, как из общего получить частное, и давал ответ в своей логике, раскрывая законы правильной дедукции. Но он предполагал, что общее знание уже имеется в уме. Ф. Бэкон исправил эту ошибку Аристотеля и разработал теорию научной индукции как способ получения общих знаний на базе практического опыта, а не только работы рабов, с которыми имел дело идеолог рабовладения Аристотель. Ф. Бэкон начал с критики сознания и разработал учение о четырех видах идолов, или ошибочных мнений, получаемых из ума, а не из опыта при помощи ума. Ф. Бэкон различал практический чувственный опыт и поверхностный чувственный опыт. Наука логики, построенная на базе практического чувственного опыта, должна давать более правильную теорию для правильного мышления, чем логика, построенная на базе поверхностного чувственного опыта. Установка Аристотеля «говорить правду и уличать лжеца» может быть названа принципом для того, кто всегда выступает против лжи. Ф. Бэкон считал своим долгом сформулировать принципы поиска истины для новой логики – принципы научной индукции. Получается, что признание общественных принципов приходит из науки, которая требует позиции практики и утверждает, что действие – главный принцип научной индукции.

Метафизика давно должна была умереть

В условиях развития науки в капиталистическом обществе метафизика должна была умереть два столетия назад, что обосновывал Ф. Энгельс в брошюре «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», говоря о необходимости формально-логического мышления для определенного этапа исторического развития и старого естествознания: «Старый метод исследования и мышления, который Гегель называет "метафизическим", который имел дело преимущественно с *предметами* как с чем-то законченным и неизменным и остатки которого до сих пор еще крепко сидят в головах, имел в свое время великое историческое оправдание. Надо было исследовать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят. Так именно и обстояло дело в естественных науках» [\[5, с. 303\]](#). Однако метафизика вырвалась из-под исторического пресса устаревшего естественнонаучного знания и возродилась в общественных науках, в результате чего они мгновенно

устарели. И в этой сфере постижения социальной материи как объективной реальности формальная логика Аристотеля при всей своей правильности не спасает от софистики.

Утверждение, что «все люди смертны», а Кай – человек, означает, как писалось в старых учебниках логики, Кай – смертен. В «Смерти Ивана Ильича» Л.Н. Толстого зафиксированы те обстоятельства, когда логика входит в противоречие с жизнью и психологией: «Иван Ильич видел, что он умирает, и был в постоянном отчаянии. В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, но просто не понимал, никак не мог понять этого. Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему... И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне это другое дело. И не может быть, чтобы мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно» [\[6\]](#).

Если вернуться к первоисточнику софистики – релятивизму и субъективному идеализму, то увидим, что Протагор ввел в педагогику, право и логику познания принцип относительности. Идея такова, что у каждого человека своя истина и что истину надо связывать с человеком. Судья говорит: «Ты преступник», а преступник утверждает: «Нет, я невиновен». С точки зрения идеи теории относительности истин оба оказываются правыми и за плату обосновывается право отпрысков рабовладельческого класса уходить от наказания.

Ученик Протагора философ Горгий развил софистическое учение, доказывая, что точка зрения большинства выше точки зрения меньшинства. Сегодня все знают, кто взорвал «Северные потоки», но молчат. Или другой пример – ты видишь предмет, но большинство людей этот предмет не видят и для них он не существует. Это примерно так, что дети, как и взрослые зрелые люди не знают и не понимают, что такое деньги и заработная плата, но видят только цветные бумажки и слышат про заработную плату. Они не понимают, что деньги – всеобщий эквивалент, заработная плата – превращенная в денежную форму стоимость вашей рабочей силы.

Сейчас на Западе официально на правительственном уровне говорят, что нацизм не существует, и что на Украине его нет. Значит в этой логической перспективе, мы, опираясь на мнения большинства людей, вправе сказать, что этот предмет и не существует, даже если мы видим татуированных свастикой и зигующих на манифестациях, кричащих «Хайль». Но если некто скажет, что с его точки зрения нацизм существует, то этот некто опасный ревизионист, пересматривающий мнение большинства.

В этом обществе ревизионист, отрицающий Холокост или расстрел НКВД польских офицеров в Катыни, подлежит тюремному заключению. Тот, кто утверждает нечто не слишком опасное, но расходящееся с мнением большинства, должен признать этот свой обнаруженный предмет непознаваемым. Такова ситуация с НЛО и постоянными волнами НЛО-мании, возникающей в западном обществе в тот момент, когда надо отвлечь внимание масс от экономического кризиса, опасности мировой войны и положения трудящихся.

Почему происходит так, что массы подвержены безумным верованиям, а отдельные личности имеют иную независимую и взвешенную позицию? Да потому, что эти критически мыслящие личности познают нечто одни в гордом одиночестве, а массы тоталитарного классового общества оболванены – не познают и познавать не будут, поскольку у них на то нет ни времени, ни желания, ни знания. Они не сумеют познать и

общество, в котором живут, как не способны понять рыбки гуппи с короткой памятью структуру и источник воды в аквариуме.

Если в этих условиях некто будет настаивать и утверждать, что предмет существует и он познаваем, то все равно никого не убедит, ведь данный предмет абстрактен и для его понимания требуется сила абстрактного мышления. Ибо считается, что в обществе все люди понимают мир по-разному и протестанта они просто не поймут в силу отсутствия исторической подготовки, экономического обоснования и классовой слепоты. И свою истину не передать другим, и никто не имеет права об этом говорить: лучше, как на корпоративах говорить на нейтральную тему погоды.

Так проблема точного знания с античности крайне запутывалась и тем самым оправдывалась возможность творить произвол. Результат – либеральная невозможность познания и ожидания того, что мы можем прийти к чему-то среднему. Это выражено в «песне о дураках» Б.Ш. Окуджавы: «Антон Палыч Чехов однажды заметил, Что умный любит учиться, а дурак — учить... Дураком быть выгодно, да очень не хочется. Умным очень хочется, да кончится битьём... У природы на устах коварные пророчества. Но, может быть, когда-нибудь к среднему придем» [\[7\]](#).

Среднее – это главное мнение, руководящее мнение, как сейчас это понимается на радужном многогендерном Западе. Уже ученик Протагора и Горгия, Фразимах, младший софист, доказывал в своей платной школе, что из многих мнений надо выбирать главное мнение. Петербургский профессор логики И.В. Николаев пишет о разрушительной для мышления позиции Фразимаха: «Главное мнение имеет начальник, господин, руководитель. Прав тот, у кого больше прав. Надо подчиняться мнениям начальников. Начальники издают законы, им все должны подчиняться. А кто не подчиняется – подлежит наказанию. Так точка зрения нечестности и насилия получила у софистов теоретическое обоснование. Но такая точка зрения нарушала принципы общечеловеческой морали и элементарной логики. Софистическое обоснование произвола всех и произвола начальников в первую очередь было несовместимо с идеями разумного ведения хозяйства и общественного прогресса. Требовалась логика как наука, чтобы выступить против обоснования произвола у софистов – против вранья и обоснования прав на вранье. Потребность правильного мышления в рамках обучения благовоспитанных граждан была третьей причиной появления логики как науки» [\[8, с. 32\]](#).

А какие были названы автором первые две причины возникновения логики? Это свободное время, появившееся на базе экономики рабовладения, которое было первой причиной возникновения всех наук и науки логики, в частности. Но была и политическая причина логического мышления – система рабовладения требовала обучения кадров управляющих и с этими тремя причинами следует согласиться, если мы стоим на позиции материалистического понимания истории.

Возрождаемая софистика нового столетия

Кого будет готовить возрождаемая софистика нового столетия? Сегодня она возрождается как «фейк ньюс», «дип фейк», то есть как манипулятивная практика и технология управления массами потребителей разоряющегося среднего класса. Выяснилось, что капитализм особенно нуждается в софистике в условиях цифровой трансформации государства, когда можно стирать историю и вносить изменения в документы, править память людей, менять маркировку продукции, в том числе и идеологической, создавать на основе государственного финансирования и социального

рейтинга целые институты национальной памяти и перестраивать любые идеологические аппараты государства.

Софистическая подмена понятий становится общим местом и полем битвы в гибридной войне нового столетия. Так, руководство Еврокомиссии в лице председателя Урсулы фон дер Ляйен сообщает об атомной бомбардировке Японии и о возможности применения Россией вновь атомного оружия. В этой подмене смыслов не отмечается, что Россия нового демократического выбора существует как отдельное государство с 1991 г., а Советский Союз не имел ядерного оружия в 1945 г., когда были взорваны бомбы.

На самом деле напрямую не говорилось, что Россия бомбила Японию: «В оригинале ее слова о России звучат так: «especially at a time when Russia threatens to use nuclear weapons once again». Вероятно, глава Еврокомиссии оговорилась или же не уточнила, что имеет в виду возможность повторного применения ядерного оружия после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки» [\[9\]](#). Однако на софистику Запада последовала наша формально-логическая атака: «Представитель МИД РФ Мария Захарова обвинила во лжи председателя Европейской комиссии Урсулу фон дер Ляйен. Та, произнося речь во время вручения наград Атлантического совета, якобы возложила трагедию Хиросимы на Россию» [\[9\]](#).

Посмотрим заявление экс-госсекретаря США Х. Клинтон, которая обвиняет Россию в расширении НАТО, подчеркивая, что каждая страна имеет право на свою истину и свой выбор в пользу НАТО. Ответ российской стороны последовал мгновенно: «Бывшая госсекретарь США Хиллари Клинтон пытается подменить понятия, когда обвиняет Россию и Владимира Путина в расширении НАТО, заявил пресс-секретарь президента Дмитрий Песков. "Госпожа Клинтон известна у нас своими попытками поставить все с ног на голову и подменить понятия", — отметил он. Так, чиновник напомнил, как экс-глава Госдепа подарила министру иностранных дел России Сергею Лаврову кнопку, на которой вместо слова "перезагрузка" было написано "перегрузка". "Понятно, что это была, наверное, не преднамеренная ошибка, хотя весьма говорящая сама по себе» [\[10\]](#).

Перегрузка сознания предполагает его перезагрузку, которая делает все точки зрения истинными и правомерными. Но, уточним, что ровно то же самое говорил Протагор, настаивая, что каждый имеет свою истину и право на точку зрения, поскольку человек есть мера всех вещей. Случайные софистические увертки прошлого, которые были казусом в XX в., не идут ни в какое сравнение с систематическим производством софистических заключений.

Мы имеем в виду случайное формирование такого ложного превращенного знания, которое возникает при соединении разных вопросов и разных ответов в один ответ как софистическое заключение. Вспомним вопросы начинающему политику В.В. Жириновскому, поступившие с разных сторон, на которые он дал разные ответы, но они и были соединены в общественном сознании воедино. Получилось смешно, и стало устойчивым мемом, который долгие годы использовался против вождя политической партии. Важно было не содержание полученного синтезированного ответа, но сам способ ответа, который был рассмотрен как софистическая увертка и ложь.

Как рассказывал автору как доверенному лицу на выборах Президента страны 2008 г. сам В.В. Жириновский, один журналист слева спросил его - «Кто по национальности Ваша мать?», и журналист справа одновременно спросил - «Кто по профессии Ваш отец?». При моментальном ответе на вопрос о родителях в рамках Круглого стола 10 июня 1991 г. получилось: «У меня мать - русская, папа - юрист». В итоге В.В.

Жириновского называли «сыном юриста по национальности» и обвинили в том, что он лжет и скрывает софистическим способом свое происхождение.

Через много лет успешный политик рыдал на могиле отца в Израиле, причем момент истины наступил в парадоксальной форме, которую никакая софистика не смогла бы предвидеть, поскольку диалектика истории сделала свое заключение о переселениях народов после Второй Мировой войны: «Российский политик рассказал, что, вопреки расхожему мнению, его отец, Вольф Эдельштейн, был по профессии не юристом, а коммерсантом и агрономом с дипломом Гренобльского университета (Франция), который он закончил в 1932 году. "Сегодня в России за меня могут голосовать все крестьяне России, поскольку я не сын юриста, как издевались надо мной журналисты, а я сын агронома и коммерсанта. И дядя - брат моего отца - тоже занимался земельным правом", - сказал Жириновский» [\[11\]](#).

Заключение

В новом столетии обвинения во лжи и подтасовке понятий выглядят старомодно на фоне систематической лжи политиков и дипломатов коллективного Запада. Текущая полемика по вопросам угрозы новой мировой войны вскрывает массу приемов софистического мышления, что свидетельствует о необходимости прекращения софистики и спекуляции по жизненно важным для человечества вопросам. И искусственный интеллект нас не спасет, поскольку любые его программы уже сегодня дают уклончивые ответы вроде рассказа о природе Крыма на вопросы: «Чей Крым?», «Кто такой Бандера?» Любой желающий может попробовать задать ИИ сетей (искусственному интеллекту) другие вопросы, на которые еще недавно мы получали однозначные ответы в учебниках и средствах массовой информации в стране с единой государственной идеологией.

Положение с аргументацией в области публицистики, текущих международных отношений и внутренней политики, наступление постмодернизма и метафизики в западной философии показывают необходимость применения достижений аристотелизма и исторического материализма как методов познания истины и более широко – как способов развенчания софистических позиций оппонентов. Сторонникам отстаивания научного мировоззрения в сфере познания законов истории и развития общественных отношений в интересах объединенного человечества целесообразно перейти к откровенной попытке возродить и применить в современном философском дискурсе учение классиков мировой философии – Аристотеля, Ф. Бэкона, Г. Гегеля, основоположников марксизма-ленинизма.

Библиография

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1969. Т. 29. – 782 с.
2. Антология мировой философии в четырех томах. М.: Мысль. 1969. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 1. – 576 с.
3. Тайна ромашки. Как гадать и узнать о своем будущем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://astralpro.ru/divination/gadanie-na-romashke>
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1955. Т. 20. – 651 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., М.: ГИПЛ, 1961. Т. 21. – 745 с.
6. Лев Николаевич Толстой. Смерть Ивана Ильича.-[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tolstoy.ru/online/online-fiction/smert-ivana-ilyicha/index.xhtml>
7. Булат Окуджава — Антон Палыч Чехов однажды заметил.-[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/bulat-okudzhava-anton-palych-chexov-odnazhdy-zametil/?ysclid=Imgryc57iu944933502>

8. Николаев И.В. Логика (Учебное пособие для средних учебных заведений). Санкт-Петербург: Ленинградский областной институт развития образования. 1998. – 102 с.
9. Пермяков А. Захарова обвинила главу ЕК во лжи из-за слов о бомбардировках Хиросимы. Что сказала фон дер Ляйен. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/09/22/17626033.shtml>
10. В Кремле обвинили Клинтон в подмене понятий после ее слов о Путине и НАТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230927/obraschenie-1898939492.html>
11. Жириновский нашел в Израиле могилу отца и обрел кузена. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20060625/49993086.html?ysclid=Indedh376l2833458>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Название рецензируемой статьи может показаться притягательным для всякого, кто интересуется историей философии. Однако её реальное содержание совершенно не соответствует предложенному названию. Во введении автор говорит о софистах и Аристотеле, и содержание этого фрагмента, а также и его отношение к последующему тексту понять непросто. Хорошо известна «метафизическая интерпретация» философии Аристотеля (даже безотносительно к тому, что возникновение самого слова «метафизика» связана с судьбой его наследия), но причём здесь софисты? Автор хотел напомнить, что Стагирит разрабатывал своё логическое учение в противоположность эристической практике софистов? Но это никак не связано ни с диалектикой (в её современном, идущем от Гегеля, понимании, в античности этот термин использовался разными философами в самых различных смыслах), ни даже к метафизике. А завершается фрагмент и вовсе «слишком сильным» тезисом, что европейская философия движется от Аристотеля сразу к новоевропейской философии (Бэкон и Гегель – её «начало» и «завершение»), а затем и вовсе – к Марксу и Ленину. Во втором и третьем разделах текста автор занят, главным образом, описанием собственного взгляда на роль классиков марксизма-ленинизма в развитии диалектики, и лишь изредка в тексте появляются снова софист Протагор, Александр Македонский и его великий учитель Аристотель, а также менее значительные персонажи прошлых эпох, с указания на которых статья начиналась. Следует прямо сказать, что изложение в этих, по-видимому, с точки зрения автора, «центральных», разделах статьи является крайне произвольным, трудно понять, что же именно автор стремится доказать, и чем обусловлен переход от одних высказываний к другим. Наконец, в четвёртой части представленного материала и в заключении автор говорит уже о современных западных политиках и афиширующей их деятельность «медиа» как о современных софистах, и вот с этим тезисом невозможно не согласиться, но какое отношение это имеет к метафизике и диалектике? Со своей стороны, заметим всё же, что глашатаи «коллективного Запада» не в полной мере восприняли наследие софистов, а именно, они могут считаться их наследников только в отношении той стороны античной софистики, в которой «софист» равно «лжец». Но, как отмечает А.Ф. Лосев во втором томе «Истории античной эстетики», деятельность софистов не сводится к попыткам доказательства положения об относительности различия истины и лжи, хотя эта ставшая популярной её платоновско-аристотелевская интерпретация, действительно, первой приходит на ум, стоит только услышать слово «софист». Скажем и о том, что список литературы никак не соответствует масштабности проблемы, которая ставится вынесенными в название

понятиями метафизики и диалектики. Приходится констатировать, что представленный материал не соответствует критериям, предъявляемым к научным публикациям, его содержание сводится к нескольким весьма простым положениям, часть которых, к тому же, вообще лежит за пределами философии. Рекомендую статью отклонить.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья заинтриговала меня своим названием изначально, когда в первый раз она была отправлена на рецензирование. И это был не первый, не второй, не третий раз, и даже не четвертый раз, когда я все-таки решилась принять ее на рассмотрение. Посему полагаю, автор уже неоднократно слышал критические замечания в адрес своего творения. Я же, следуя мысли Ницше о том, что «тот, кто не способен видеть возвышенного в том, что есть, особенно чутко присматривается к тому, что низменно – чем и выдает себя», позволю себе отметить сильные стороны статьи и, наконец, рекомендовать ее к публикации.

«Возрождение метафизики и актуальность диалектики» - таково название статьи. Звучит скандально. Несвоевременно. Возможно, у кого-то даже вызывает ехидный смех. Кто только не пытался разрушить метафизику! А уж о диалектике сегодня говорить всерьез, так, как это было в прошлом веке (см., например, советский фильм, в котором при помощи диалектики объяснялось звездообразование <https://youtu.be/eT3zTfSc3co>) - и вовсе анахронизм. Однако же необходимо признать, что статья посвящена актуальной, волнующей не только интеллектуалов, но и обывателей, теме циркуляции «истин» и мнений в медийном пространстве. Это текст «на злобу дня!» При всей своей публицистичности, он не лишен необходимых для академического письма качеств: отсылки к великим именам, достижениям философской мысли прошлого, полемичности (автор обнаруживает себя в оппозиции к постмодернистскому «обезглавливанию» истины), логичности изложения мысли, а также иллюстрацией тезисов примерами из медиапространства. Скупость библиографического списка оправдана стилем статьи, и это не может быть поводом для критики. Публицистика – этот тот жанр, который мы утратили, но в истории русской философско-публицистической мысли были и яркие страницы. Автор в этом смысле не только актуализирует философский дискурс метафизики и диалектики, но и сопрягает себя с предшествующей отечественной философской традицией, в которой было место и публицистическому жанру.

Автор обозначает новые задачи, которые ставит перед философским разумом наша эпоха: «Это значит, что меняется роль философии, которая не может более заниматься постмодернистскими играми, а должна послужить в поисках правды и справедливости объединяющемуся на новых основах человечеству. Речь идет о востребованности диалектической материалистической философии и гносеологии». Эта позиция обосновывается в статье посредством обращения к идеям Аристотеля, Бэкона, Гегеля, Ленина. В фокусе внимания автора – современная медиасреда и софистические приемы, унижающие достоинство «правды и справедливости». Статья рекомендована к публикации с учетом небольших правок:

Ссылку на гадание на ромашке стоит убрать, а ссылку на первоисточник критики софистики (Аристотель) – добавить.

В этом предложении, возможно, опечатка: «наступление постмодернизма и метафизики» - должно быть «конца метафизики»?

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Глобализация в формате многополярности: философско-мировоззренческое обоснование глобополицентризма // Философская мысль. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.4.70298
EDN: MQGYVL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70298

Глобализация в формате многополярности: философско-мировоззренческое обоснование глобополицентризма

Гурьянов Николай Юрьевич

ORCID: 0000-0001-7783-6031

кандидат философских наук

кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Медицинский университет «Реавиз»

443001, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Чапаевская, 227

✉ nik.guryanow@yandex.ru

Гурьянова Анна Викторовна

ORCID: 0000-0003-2579-8955

доктор философских наук

Гурьянова Анна Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории, Самарский государственный экономический университет

443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, 141, оф. 207д

✉ annaguryanov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Циклы и волны глобального мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.4.70298

EDN:

MQGYVL

Дата направления статьи в редакцию:

30-03-2024

Аннотация: Предметом исследования выступает многополярная глобализация, формирующаяся в контексте противостояния мировоззренческих установок глобомона- и глобополицентризма. Целью работы является исследование процесса глобализации в его основных (состоявшихся и потенциальных) проявлениях, включая биполярную,

однополярную и многополярную модели. Рассматриваются их сущность и специфика, дается оценка эффективности данных геополитических конструкторов, подводится соответствующее философско-мировоззренческое обоснование. В качестве философско-мировоззренческого фундамента глобомоноцентризма анализируются теоретические построения Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, З. Бжезинского, глобополицентризма — философские наработки Н. Я. Данилевского, К. Н. Трубецкого, П. Н. Савицкого. Делается вывод о необходимости пересмотра современного варианта глобального мироустройства, что предполагает его переход от однополярного к многополярному формату взаимодействия участвующих сторон. Акцентируется значимость глобополицентризма как альтернативной, противостоящей неоколониализму стратегии развития в эпоху глобализации. Выстраивание многополярного мира необходимо для укрепления цивилизационного суверенитета современной России и прочих стран мирового сообщества. В статье находят применение исторический, логический и компаративный методы анализа, используется цивилизационный подход в качестве методологического инструмента для обоснования феномена многополярности. Основными выводами исследования являются следующие: глобализация как форма взаимодействия цивилизаций не тождественна глобомоноцентризму. Последний выступает одной из форм (причем не единственной и не самой совершенной) выстраивания взаимодействия цивилизаций в глобальном мире. Современный глобомоноцентризм (по сути, американоцентризм) связан с попыткой «перекроить» мир в собственных интересах с целью установления неоколониального режима. Альтернативной формой сосуществования цивилизаций, обеспечивающей защиту от неоколониализма, выступает многополярный мир. В настоящее время речь не может идти об отказе от глобализации как таковой, но лишь об изменении ее формата, а именно о переходе от однополярной к многополярной глобализации. В основании многополярности лежит мировоззренческий принцип глобополицентризма, предполагающий восприятие иных (причем не только высокоразвитых) стран как партнеров, что гарантирует осуществление сотрудничества на принципе равноправия сторон. Глобополицентричная модель многополярного мира не лишена недостатков, но, в отличие от биполярной и однополярной моделей, она в значительно большей степени связана с объективной действительностью и, следовательно, более гарантированно дает человечеству шанс на успешное преодоление глобальных геополитических кризисов.

Ключевые слова:

глобализация, глобомоноцентризм, глобополицентризм, биполяризация, однополярная модель, многополярный мир, Россия, Запад, антагонизм, вестернизация

Введение

Реальность современного мира — его развитие в условиях глобализации.

Появление самого понятия «глобализация» обычно датируется временем выхода в свет работы американского экономиста Т. Левитта «Глобализация рынков» (1983) [\[15\]](#), что произошло вот уже более четырех десятилетий тому назад. Хотя, по факту, глобализационные и сопутствующие им процессы стартовали значительно раньше. Первая волна глобализации накрыла цивилизацию в последние десятилетия XIX в., совпав с пришедшимся на этот период прогрессом в развитии транспортных и торговых связей, а также сопутствующим началом массовых миграционных процессов в масштабах планеты. Вторая волна охватила середину XX в., стимулировав небывалый ранее

экономический подъем ряда развитых стран мирового сообщества. И, наконец, третья волна, стартовавшая в последние десятилетия XX в., ознаменовалась грандиозным прорывом в области коммуникаций и средств связи, что стимулировало вовлечение в структуру мирового рынка экономик развивающихся стран [\[1, с. 29\]](#).

Сегодня, в виду близящегося завершения первой четверти XXI в., можно с уверенностью говорить о том, что глобализация является процессом объективным, своего рода данностью. Так что все попытки ее игнорирования или принудительного ограничения (например, существовавший во времена СССР «железный занавес» или же современная санкционная политика, проводимая в отношении неугодных стран с целью их изоляции от мирового сообщества, и др.) являются несостоятельными и изначально обречены на провал. В этой связи глобализацию следует воспринимать как «новый этап становления системной целостности мира» [\[14, с. 57\]](#), любое противодействие которому представляется заведомо «бессмысленным и бесперспективным» [\[14, с. 57\]](#).

Несмотря на многочисленные события последних десятилетий, связанные с пересмотром и усложнением самой существующей системы мироустройства, повышением внутри нее уровня конфликтности и деструктивности, мир по-прежнему продолжает оставаться глобальным целым. Процессу глобализации не препятствуют ни набирающие обороты конфронтация и противостояние великих держав современности, ни активно практикуемая «гегемонией» современного мира и его сателлитами политика «двойных стандартов», ни экспоненциальный рост националистических фобий в отношении отдельных народов и государств (к примеру, русофобия), ни агрессивное поведение развитых стран в отношении стран развивающихся, ставящее целью навязать последним собственное «демократическое» видение мира и соответствующую ему систему ценностей.

Вышеперечисленные тенденции не останавливают процесс глобализации и даже его не замедляют, — они лишь переводят его в новую плоскость разворачивания — более сложную и проблематичную, в сравнении с его стартовыми этапами.

Глобализация как новый формат взаимодействия цивилизаций

Современная глобализация — крайне сложный, полный противоречий «процесс в международных отношениях, проявляющийся в расширении, углублении и усложнении взаимосвязей и взаимовлияния стран и народов мира. Глобализация представляет собой этап интернационализации, основанный на развитии и совершенствовании информационно-коммуникационных технологий, либерализации и упрощении перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала» [\[5\]](#). Будучи по своей природе разноуровневым и многоаспектным феноменом, глобализация оказывает структурирующее и формообразующее воздействие на сферы современной политики и экономики, реалии общественной и культурной жизни, области научных и технических интересов, достижения и разработку инновационных технологий и мн. др.

Страны и народы современного мира оказываются тотально вовлеченными в процесс глобализации, что объединяет их в единую систему, устанавливая между ними связи взаимодействия и взаимообусловленности экономической, политической, социокультурной направленности. При этом ключевой принцип глобализации, а именно вызываемая ей общепланетарная интеграция, «усиление “взаимозависимости” мира» [\[14, с. 58\]](#), остается неизменным, с единственным нюансом — с течением времени воздействие глобализации становится все более ощутимым, а ее фигуры — все более

взаимосвязанными и взаимозависимыми. Глобализация способствует усилению миграционных процессов, перераспределению потоков рабочей силы, расширению спектра пространственных перемещений, свободной циркуляции в мире товаров и услуг, материального капитала и человеческих ресурсов.

Если изначально глобализация рассматривалась как феномен сугубо экономического, впоследствии ей стали свойственные более емкие содержательные трактовки [6, с. 103]. В свете же исторических событий, развернувшихся в 1990-е гг. (развал СССР, превращение США в мирового лидера, претендующего на безусловное доминирование во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества) она приобрела ярко выраженную политизированную окраску. На сегодняшний день наиболее существенные последствия глобализации наблюдаются именно в ее геополитическом измерении, в частности, в плане воздействия, оказываемого на формирование системы взаимоотношений между разными цивилизациями современности. Именно поэтому глобализация в широком смысле этого слова может быть охарактеризована как «форма взаимодействия цивилизаций» [4]. В таком расширенном (цивилизационном) понимании «...глобализацию можно представить и как процесс, и как новую идеологию, и как этап развития человеческой цивилизации, и как стадию исторической динамики...» [17, с. 109]. Но при этом сущностной характеристикой указанного подхода по-прежнему выступает идея усиления взаимозависимости человечества во всех сферах осуществляемой им жизнедеятельности.

Следует также отметить, что у истоков формирования представлений о глобализации зачастую встречались мнения о том, что данный процесс является, в целом, гармоничным и универсальным [11, с. 88]. Однако значительные изменения мироустройства, пришедшиеся на конец XX – первую четверть XXI вв., послужили основанием для развенчания подобных мировоззренческих иллюзий, поскольку вызвали качественные изменения самого процесса глобализации. В современных условиях явственно представлено противостояние определяющих тенденций миропорядка, а также экспоненциальный рост воздействий на него разного рода дестабилизирующих факторов и деструктивных элементов. Особенно опасными, влекущими за собой подчас необратимые геополитические последствия, выступают отклонения и деформации в сфере расстановки «полюсностей», что связано с переформатированием ведущих «полюсов» всей современной системы мироустройства.

Речь идет об активации и дальнейшем противостоянии таких весомых геополитических моделей глобального мироустройства как биполярная, однополярная и многополярная. Каждая из них ориентирована на конкретную, четко выраженную направленность в распределении ведущих «игроков» и силовых потоков на международной арене. Дискуссии о сущности и соотношении этих моделей получали разное концептуальное оформление, в частности, в форме противопоставления мондиализма и культурного плюрализма, универсализма и «цветущей сложности» [16, с. 1], неоколониализма и интернационализма, «мировой политики» и многополярности [9], моно- и полицентризма, универсума и «плюриверсума» [10] и пр. Однако данные терминологические нюансы не меняют существа рассматриваемого вопроса, поскольку речь в любом случае идет об определенном порядке глобального мироустройства, включающем один, два или более силовых «полюсов».

А поскольку все эти отличные по своему «полюсному» составу модели были апробированы в течение XX–XXI вв., а некоторые из них продолжают (с разной степенью

успешности и интенсивности) функционировать в реалиях нашей современности, можно на этом основании говорить о существовании биполярной, однополярной и многополярной глобализации [\[11, с. 87\]](#). Данный понятийный ряд фиксирует разницу подходов к пониманию сущности глобализации с точки зрения обуславливающих ее «полярностей».

Биполярная глобализация: геополитическое противостояние антагонистов

На протяжении большей части XX в. ведущей моделью организации глобального миропорядка выступала биполярность, окончательно оформившаяся в качестве геополитического конструкта вскоре после завершения Второй мировой войны. Биполярность нашла свое полноценное воплощение в противостоянии двух основных центров силы XX в. — СССР совместно с группирующимися вокруг него странами социалистического лагеря и США, взявших на себя роль гегемона, безоговорочного лидера всего «свободного» мира, носителя и транслятора «уникальных» «демократических» ценностей. Такая двойственность способствовала превращению мира в арену противостояния непримиримых соперников-антагонистов с закреплением за ними соответствующих сфер влияния и стартом противоборства, приведшего мир в состояние «холодной войны» и гонки вооружений.

При этом для биполярной глобализации было свойственно определенное силовое равновесие между двумя ее ведущими полюсами, что удерживало соперников от развязывания междоусобных войн и чрезмерной эскалации глобальных конфликтов. При этом каждая из противоборствующих сторон выстраивала систему мира, основанную на собственных идеологических приоритетах, например, социалистически или капиталистически ориентированных. Эти системы также были антагонистичными и вовлекались в развернутый процесс идеологического противостояния. Гарантом же недопущения катастрофических последствий для цивилизации в целом выступал фактор силового баланса (ядерного сдерживания), обеспечивавший, до известной степени, возможность сохранения ситуации геополитического равновесия.

Однако в рамках любой биполярной системы с неизбежностью назревает стремление каждой из ее сторон к монополизации власти, подавлению оппонента и, как следствие, к итоговому безусловному лидерству. Таким образом, четко вырисовывается тенденция тяготения биполярной глобализации к однополярному глобомоноцентризму, достижение которого, как правило, демонстрирует полное низвержение, в том числе и идеологическое, поверженного соперника. Кроме того, биполярная модель характеризуется излишне жестким делением сфер влияния, формирующихся вокруг ее основных «полюсов»: страны-сателлиты, фактически, поставлены перед выбором в пользу одной из конкурирующих сторон. При таком раскладе возможность сохранить паритет, установить партнерские или даже просто дружественные отношения с обоими лидерами попросту отсутствует.

На основании вышеизложенного можно заключить, что биполяризация, прошедшая свою конкретно-историческую апробацию в прошлом XX в., не лишена недостатков и в силу этого не может быть признана конструктивной геополитической моделью. Эксперты справедливо отмечают ее несоответствие внешнеполитическим реалиям современной России и, в силу этого, квалифицируют в качестве «...неудачной: она толкает к гонке вооружений, к противоборству в странах третьего мира и в конце концов истощает ресурсы, необходимые для внутреннего развития» [\[18, с. 42\]](#). Биполярный баланс сил, долгое время существовавший между США и СССР, поддерживался вплоть до распада последнего, после чего вся система мироустройства подверглась радикальной

перестройке с ее последующей эволюцией в сторону однополярности.

Сегодня многие российские исследователи называют распад СССР «величайшей геополитической катастрофой» XX в., в результате которой прекратил существование один из двух доминировавших ранее мировых «полюсов». Тем самым была завершена эпоха биполярности, ушли в прошлое антагонизм и противостояние времен «холодной войны», а единственной сверхдержавой, обладающей всей полнотой экономической, военной и политической власти, стали США. Крах биполярного мироустройства открыл путь для апробации новой — однополярной модели мира. В ее контексте западный мир стал восприниматься в качестве гаранта мировой стабильности и порядка, устанавливаемых под «чутким» руководством США на основе лоббируемых ими либерально-демократических ценностей.

Глобомоноцентризм — мировоззренческое основание однополярной глобализации

С помощью превосходящей военной силы, беспрецедентного финансового и экономического давления новый гегемон начал устанавливать свои порядки во всем мире, агрессивно навязывая свои ценности и мировоззрение. В нашей современности США, безусловно, являются наиболее активным и деятельностным участником, а также стержнем и двигателем процесса глобализации, нацеливающим его на продвижение в направлении однополярности. В основе однополярной глобализации лежит принцип глобомоноцентризма (по сути, американоцентризма), выражающийся в стремлении гегемона к осуществлению единоличного мирового господства. Причем выстраиваемая США глобомоноцентричная модель оказалась весьма привлекательной не только для ее непосредственного создателя, но и для ряда поддерживающих его государств-сателлитов, образующих в своей совокупности единый и единственный «полюс» данной системы, а именно коллективный «Запад».

В контексте последовательно демонстрируемого западным миром стремления к однополярности процесс глобализации начинает выстраиваться в формате централизованной регулятивной системы, полностью контролирующей так называемую «мировую периферию» под руководством глобального лидера, в роли которого выступают США. По сути, эта моноцентричная глобализация представляет собой попытку одной ведущей державы взять под контроль весь процесс мирового развития, а также максимально усилить эксплуатацию ресурсной базы (природной и интеллектуальной) менее развитых стран и регионов. При этом господствующая «сверхдержава» категорически отказывается воспринимать прочие государства не только в качестве соратников или партнеров, но даже в качестве соперников и конкурентов. Здесь один диктует свою волю всем, навязывает им собственные правила игры без какой бы то ни было оглядки на исходящие с их стороны протесты и неприятие.

В подобной ситуации нарастающего идеологического, политического и экономического давления его проводники осознали потребность мировоззренческого обоснования модели однополярности, по существу, мирового лидерства США. В этом ключе было выдержана, в частности, концепция конца истории Ф. Фукуямы [\[23\]](#). Американский ученый настаивал на необходимости реформативного всего мирового сообщества по подобию переносимого на него западного (американского) опыта цивилизационного строительства. То есть, по убеждению Ф. Фукуямы, в развертывании и течении мирового исторического процесса не может быть представлена никакая плюральность, множественность цивилизаций. Провозглашенный им «конец истории», по существу, означал полный и безоговорочный триумф западной либеральной демократии, «успешно» насаждаемой по всему миру.

Очевидно, что в нашей современности прогнозы, сделанные Ф. Фукуямой, выглядят нереалистично, поскольку сегодня существенно усложнился сам процесс глобализации, что исключает возможность геополитической унификации: ход мировой истории дает многочисленные подтверждения возникновения кризисных, конфликтных ситуаций не только между разными цивилизациями, но и внутри них. Аналитика этих кризисов нашла отражение в концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, в которой американский мыслитель отложил на неопределенный срок провозглашенный Ф. Фукуямой конец истории из-за сопротивления, оказываемого западному миру традиционными культурами и суверенными государствами [\[24\]](#). Тем не менее, конечный итог эволюционного развития человечества остается у С. Хантингтона прежним — распространение западных ценностей и идеологии на весь мир, а также оправдание глобального лидерства США как носителя подлинной свободы и либеральных ценностей.

Адептами глобомонотризма можно считать также таких известных сторонников однополярной глобализации как Г. Киссенджер З. Бжезинский и др. В своей работе «Великая шахматная доска» З. Бжезинский, расценивая распад СССР как великую победу, одержанную США в «холодной войне», то есть в условиях биполярности, писал: «Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария Соединенных Штатов в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы» [\[2, с. 11\]](#).

Квинтэссенцией понимаемого таким образом глобомонотризма могут служить следующие слова госсекретаря США М. Олбрайт (1998): «...Мы — Америка. Мы — незаменимая нация. Мы высоко стоим. И мы дальше видим, заглядывая в будущее» [\[20, с. 9\]](#) Но, несмотря на столь радужные первоначальные перспективы, открывшиеся перед западным миром в конце XX в., в нашей современности становится все более очевидным наличие целого ряда негативных последствий практической реализации продвигаемого Западом глобомонотризма. К их числу относятся, в частности, усиление социального неравенства [\[25, р. 35\]](#), нарастание в мире хаотических тенденций, непрерывное развязывание экономических, военных и пр. конфликтов. В ряде стран это привело к разрушению традиционных социальных структур, к затяжным войнам и кровопролитию и, как следствие, к краху самой государственности. Подобные тенденции наблюдаются и в нашей современности.

Любое проявление суверенитета со стороны отдельных народов и государств квалифицируется сторонниками глобомонотризма как препятствие на пути достижения мировых целей, а в отношении нарушителей принимаются карательные меры и вводятся санкции. Тем самым «...однополярная глобализация ставит своей целью не "диалог цивилизаций", не развитие и обогащение культурных социумов и Логосов цивилизаций, а лишь абсолютную деконструкцию "по-американски", навязывание единых стандартов в области международного права, экономики, поп-культуры и массовой культуры, включение всех цивилизаций в Логос глобального Запада и размывание культурных особенностей» [\[11, с. 90-91\]](#).

Однополярность имеет своим закономерным следствием подчас необратимые деформации в системе международных отношений, культивирование монополизации, односторонности и предвзятости в оценке происходящих событий и принятии

экзистенциально значимых в этой области решений. В современных условиях очевидна настоящая потребность отказа от пропагандируемого Западом глобомоноцентризма, долгое время позиционировавшегося в качестве некоей универсальной ценности общечеловеческого масштаба. Ведь «путь к культурному единству человечества в среднесрочной перспективе может мыслиться только через диалог цивилизаций, а не через распространение западноевропейских культурных принципов на все человечество» [\[13, с. 21\]](#).

Глобополицентризм как мировоззренческое основание модели многополярности

Если глобомоноцентризм, как уже было показано выше, связан с утверждением одного ведущего полюса силы и власти, практикующего тактику применения двойных стандартов при выстраивании отношений с другими странами в области политики, морали и пр., глобополицентризм предполагает совершенно иной формат международного сотрудничества. По сравнению с ориентированным на абсолютную гегемонию глобомоноцентризмом, глобополицентризм можно считать более естественным и взаимовыгодным, поскольку он предполагает восприятие иных (причем не только высокоразвитых) стран как партнеров и гарантирует осуществление сотрудничества на принципе равноправного взаимодействия сторон. Это проявляется на уровне цивилизационных, государственных, национальных, культурных, религиозных и пр. форм развития как отдельных регионов, так и масштабных объединений международного уровня. Понимаемый таким образом глобополицентризм выступает мировоззренческой предпосылкой многополярной модели глобального мироустройства.

Многополярная глобализация представляет собой такой «...международный порядок, при котором существует несколько полюсов геополитического влияния — стран и их союзов, международных организаций» [\[22\]](#). В своем количественном измерении многополярность, по существу, означает, что «...несколько (а именно, более двух) государств наделяются примерно равным экономическим и военным потенциалом, представляя собой своего рода экономические и политические полюса мира» [\[3, с. 7\]](#). В качественном же отношении многополярный мир характеризуется не только ростом числа его непосредственных фигурантов, стоящих за ними сфер влияния и зон ответственности, но также падением в мире градуса напряженности, что достигается за счет уменьшения выраженности идеологического антагонизма, наблюдавшегося, к примеру, в условиях биполярности.

При этом речь идет именно о «...крупных общностях — макрорегионах или цивилизациях, имеющих отличительные социокультурные, геоэкономические и международно-политические характеристики» [\[8\]](#). Эти масштабные цивилизационные блоки не обязательно должны соответствовать друг другу по размеру занимаемой ими территории, быть равновесно развитыми в экономическом или военном отношении, их население также может существенно варьироваться по своему численному и этническому составу. При многополярном мироустройстве вполне допустима «определенная асимметрия в развитии цивилизаций» [\[13, с. 19\]](#). Однако, что все-таки роднит между собой все взаимодействующие в условиях многополярности цивилизации, — это свойственная им «...способность влиять на глобальные процессы, привносить в мировую дискуссию свой взгляд на решение проблем» [\[8\]](#).

Философско-мировоззренческим основанием многополярности можно считать ряд концепций отечественных мыслителей XIX–XX вв., авторы которых настаивали на принципиальной нелинейности исторического процесса, его множественности и

плюральности, качественном многообразии его непосредственных участников — мировых цивилизаций и культур («культурно-исторических типов»). Плюрализм субъектов-участников исторического процесса предполагал недопустимость «европейничания», то есть сведения всего богатства мировой истории и культуры к историческому наследию исключительно европейских народов. «Европа есть поприще германо-романской цивилизации — ни более ни менее...» [7, с. 74], и эта цивилизация ни в коей мере не может претендовать на то, чтобы считаться цивилизацией «общечеловеческой», — писал в этой связи известный русский ученый и философ Н. Я. Данилевский.

В своей работе «Россия и Европа» (1869) он впервые предложил новый, цивилизационный подход к интерпретации мировой истории, согласно которому «прогресс [...] состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами...» [7, с. 135]. Тем самым в концепции Н. Я. Данилевского утверждалась множественность (современным языком, «полицентричность», «многополярность») мировой истории, выделялся ряд значимых культурно-исторических типов, формирующих в своей совокупности ее качественно своеобразный и неповторимый облик.

Очевидно, что сегодня «цивилизационный подход — лишь один из возможных способов мироописания. Однако [...] на нынешнем переломном этапе именно он дает наиболее выверенную “точку входа” для адекватной интерпретации процессов, связанных с трансформацией миропорядка» [8]. Значимость цивилизационного подхода, еще в XIX в. разработанного Н. Я. Данилевским, заключается в том, что через его посредство оказывается возможным представить ход исторического развития как полифоничный и многоуровневый, что наилучшим образом соответствует подлинной картине исторической эволюции человечества. В ней не остается места гегемонии, насильственному подавлению одних цивилизаций другими, что влечет за собой утрату побежденными своего культурно-исторического колорита и своеобразия.

Об этом еще начале XX в. писал русский философ Н. С. Трубецкой. В своей работе «Европа и человечество» он анонсировал угрозу, исходящую со стороны европейского мира в отношении всех прочих народов и цивилизаций, чрезмерную агрессивность западного универсализма мышления и действий, а также исторически свойственное Европе неприятие иных культур в качестве равных ей [21]. В противоположность такому подходу, философ подчеркивал, что современная ему европейская культура ни в коей мере не может считаться культурой общечеловеческой или универсальной. Она представляет собой не что иное как продукт исторического творчества отдельной группы родственных германо-романских народов. Для них европейская культура является обязательной, но человечество в целом вовсе не обязано воспринимать ее в качестве некоего путеводного ориентира.

С. Н. Трубецкой призывал все народы к объединению усилий для противостояния романо-германской агрессии, необоснованным колониальным претензиям, неизменно исходившим со стороны западного мира. В действительности, подобного рода претензии несостоятельны, что побуждает человечество искать адекватный ответ на вызов Европы, отказаться от насильственно навязываемых ему западных ценностей и стереотипов. Данный призыв Н. С. Трубецкого нашел свое логическое продолжение в работах П. Н. Савицкого, считавшего главной опорой для противодействия принудительной

вестернизации «русскую Евразию» [\[19\]](#). Именно нашей стране под силу организация такого общечеловеческого сопротивления, которое сможет в дальнейшем эффективно противостоять европейскому универсализму, не одно столетие агрессивно навязывавшегося всему мировому сообществу в качестве некоего универсального эталона.

Следует признать, что приведенные суждения русских философов XIX–XX вв. прекрасно вписываются в общий мировоззренческий контекст нашей современности, иллюстрируя развернувшееся в ней противостояние моно- и полицентризма, однополярного и многополярного форматов глобализации. Так, идеи Н. Я. Данилевского о нелинейности исторического процесса и множественности вовлеченных в него цивилизаций, а также пагубности для России и мира в целом тактики «европейничанья», во многом предопределили формирование мировоззренческой установки глобополицентризма и выстраиваемой на его основе модели многополярного мироустройства. Утверждение же Н. С. Трубецкого об «угрозе Европы для человечества» может быть интерпретировано в качестве своеобразного предостережения от излишней восприимчивости к соблазнам вестернизации (однополярности), а идея П. Н. Савицкого о значимости в этом процессе «русской Евразии» — как обоснование ведущей роли нашей страны, которую она призвана сыграть (и, собственно, уже играет) в плане противодействия агрессивным намерениям Запада на пути выстраивания новой модели глобального мира в формате многополярности.

В современных условиях именно многополярная глобализация наиболее адекватно отражает объективные процессы развития мировой цивилизации. Принципиальное отличие многополярности от всех прочих, альтернативных моделей мироустройства заключается в том, что осуществляемое на ее основе деление мира на отдельные региональные блоки происходит путем естественным и добровольным, к тому же основанным на экономической заинтересованности и интеграции вовлеченных в данный процесс дружественных государств [\[18, с. 43\]](#). Актуальность выстраивания глобализационного взаимодействия на основе принципа полицентризма подтверждается многими факторами современной геополитики, в том числе появлением на международной арене и последующим усилением позиций новых глобально значимых «игроков», перераспределением в их пользу экономических, силовых, ресурсных и пр. потоков.

Как следствие, перед гегемоном однополярного мира и его ближайшим окружением возникает все больше новых вызовов, связанных с угрозой утраты ими тотального контроля над развертывающимися в нашей современности геополитическими процессами. Последнее, что вполне естественно, вызывает со стороны слабеющего гегемона решительное неприятие и сопротивление, направленное на сохранение утрачиваемого лидерского статуса любой ценой. Однако в изменившихся политических, экономических и социокультурных реалиях эпохи глобализации это не представляется возможным, в то время как противодействие западным моноцентричным нарративам неуклонно нарастает. Тем не менее, Запад по-прежнему стремится противопоставить себя всему остальному миру, пребывая, по сути, в «...состоянии подросткового нигилизма по отношению к объективным историческим процессам...» [\[8\]](#). Хотя данный нигилизм, скорее, схож не с юношеским максимализмом, а с осознанным, зрелым неприятием любого инакомыслия, возникающим на фоне веры в абсолютную авторитетность собственной мировоззренческой позиции и неприятием сопротивления.

В сложившейся ситуации мировоззренческого противостояния глобомоно- и

глобополицентризма все более очевидной становится необходимость пересмотра самой модели глобального мироустройства, что предполагает ее переориентацию с однополярного на многополярный формат взаимодействия участвующих в ней сторон. Следует признать, что для современного глобального мира моноцентризм не только неэффективен, но и весьма опасен, что заставляет сделать экзистенциальный выбор в пользу альтернативной, а именно глобополицентричной стратегии будущего развития цивилизации. В современной России именно модель многополярного мироустройства рассматривается в качестве приоритетной стратегии развития и взаимодействия стран мирового сообщества [\[12\]](#).

Разумеется, глобополицентризм, лежащий в основании модели многополярного мира, не может считаться идеальным, полностью лишенным каких бы то ни было недостатков, как, впрочем, и все иные геополитические модели (однополярный мир с его склонностью к абсолютной гегемонии, биполярный — с категоричным антагонизмом его основных фигурантов и их идеологических позиций). Многополярная глобализация — это не бесконфликтный вариант выстраивания глобальных взаимодействий, исходя уже из количественного и качественного многообразия ее участников, их исторической и этнической вариативности, разнонаправленности преследуемых ими интересов и пр. Однако, по сравнению с другими моделями, многополярность оказывается в значительно большей степени связана с объективной действительностью, в силу чего она более гарантированно дает человечеству шанс на преодоление геополитических кризисов и проблем.

В современных условиях практикуемая странами Запада насильственно-агрессивная стратегия утверждения глобализации в ее однополярном формате должна быть преодолена. Построение модели многополярного мира способствует укреплению цивилизационного суверенитета России и прочих стран мирового сообщества. Лежащий в ее основании мировоззренческий принцип глобополицентризма предполагает совместное существование в современном мире ряда мощных центров силы и власти, между которыми, собственно, и будет распределяться глобальная ответственность за будущее цивилизации, в том числе на уровне отдельных государств. Приоритетом последних, в идеале, должна стать защита не только внутренних, но и планетарных, общечеловеческих интересов.

Заключение

Подводя итоги проведенному рассмотрению, отметим, что глобализация – это данность, реальность современного мира. Она представляет собой особую форму взаимодействия цивилизаций и является объективным процессом, поэтому любые попытки ее игнорирования, ограничения или искоренения должны быть признаны несостоятельными. Глобализация не тождественна глобомоноцентризму, который выступает одной из возможных форм (причем не единственной и не самой совершенной) выстраивания взаимодействия цивилизаций в глобальном мире. Современный глобомоноцентризм (по сути, американоцентризм) связан не только с утверждением одного ведущего полюса силы, но и с последовательным применением тактики «двойных стандартов» в области политики и морали при выстраивании системы международных отношений.

В ходе исторической апробации биполярная модель отношений, существовавшая в XX в. между США и СССР, показала свою несостоятельность из-за свойственных ей противоречий систем-антагонистов. Практикуемая современным «коллективным Западом» однополярная модель также не соответствует политическим запросам современности из-за амбиций Запада (США), стремящихся «перекроить» мир в собственных интересах с

целью установления неоколониального режима. В этой связи Россия, Китай и остальные свободные (от диктата США) страны вынуждены создавать многополярный мир как альтернативную систему сосуществования цивилизаций, обеспечивающую защиту от неоколониализма. Становление многополярного мира – необходимое условие свободного развития России и прочих стран мирового сообщества. Лежащий в основании многополярности принцип глобополицентризма предполагает восприятие иных (причем не только высокоразвитых) стран как партнеров, что гарантирует осуществление ими сотрудничества на условиях равноправия сторон.

Философско-мировоззренческим фундаментом глобомоноцентризма выступают теоретические построения Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, З. Бжезинского в форме выдвинутых данными мыслителями идей о конце истории, столкновении цивилизаций и лидерстве США как «подлинно глобальной державы» и «незаменимой нации». Философско-мировоззренческим основанием глобополицентризма выступают теоретические наработки русских философов Н. Я. Данилевского, К. Н. Трубецкого, П. Н. Савицкого, в частности, высказанные ими идеи о множественности цивилизаций, пагубности для нашей страны и всего мира «европейничанья», об угрозе Европы для человечества и значимости для преодоления этой угрозы «русской Евразии».

В современном глобальном мире, развивающемся в условиях насильственно навязываемой ему вестернизации, речь не может идти об отказе от глобализации как таковой, но лишь об изменении ее формата, а именно о переходе от однополярной к многополярной глобализации. Разумеется, модель многополярного мира не лишена недостатков и противоречий, но, в отличие от представленных ранее однополярной и биполярной моделей, она в значительно большей степени связана с объективной действительностью и, следовательно, более гарантированно дает человечеству шанс на успешное преодоление глобальных геополитических кризисов и проблем.

Библиография

1. Босхомджиев Д. Г. Выявление тенденций развития глобализации на основе концепций волн глобализации // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2014. № 2(29). С. 28–33.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2023.
3. Васильев С. В. К вопросу о многополярном мире: концептуальный взгляд современных российских философов и политологов // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, истории. Новосибирск: СибАК, 2015. С. 6–10.
4. Галкин А. А. Глобализация // Большая российская энциклопедия. Т. 7. М.: БРЭ, 2007. С. 245–247. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/2364517> (дата обращения: 27.03.2024).
5. Глобализация // Новый дипломатический словарь. Т. 1 / Под ред. А.В. Яковенко. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2022. URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/глобализация/> (дата обращения: 27.03.2024).
6. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Ноосферная глобализация в контексте модели устойчивого развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1(37). С. 103–110.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
8. Дробинин А. Ю. Образ многополярного мира. Цивилизационный фактор и место России в формирующемся миропорядке // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2(120). С. 54–62.

9. Дугин А. Г. Многополярность и теории глобализации // КАТЕХОН. 08.01.2016. URL: <https://katehon.com/ru/article/mnogopolyarnost-i-teorii-globalizacii> (дата обращения: 27.03.2024).
10. Дугин А. Г. Теоретические основы многополярности. Философия множественности // КАТЕХОН. 08.01.2016. URL: <https://katehon.com/ru/article/teoreticheskie-osnovy-mnogopolyarnosti-filosofiya-mnozhestvennosti> (дата обращения: 27.03.2024).
11. Железняк А. В. Глобализация: определение и типология // Science Time. 2015. № 10(22). С. 87–92.
12. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 27.10.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 03.03.2024).
13. Золкин А. Л. Проблема цивилизационного суверенитета России в современном многополярном мире // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2015. № 4. С. 16–22.
14. Костин А. И., Бороздин А. Н. Глобализация и геополитика России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 8. С. 56–61.
15. Левитт Т. Глобализация рынков // Классика маркетинга: Сборник работ, оказавших наибольшее влияние на маркетинг. СПб.: ПИТЕР, 2001. С. 75–91.
16. Леонтьев К. Цветущая сложность. Избранные статьи. М.: Молодая гвардия, 1992.
17. Муталимов В. А. Реалии и перспективы современной глобализации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 7. С. 107–111.
18. Окунев И. Ю. Россия и многообразие окуларов. Мир однополярный, биполярный, многополярный или бесполярный? // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 1(101). С. 41–46.
19. Савицкий П. Н. Русская Евразия в прошлом и будущем. М.: Родина, 2023.
20. Тодд Э. После империи. Pax Americana — начало конца. М.: Международные отношения, 2004.
21. Трубецкой Н. С. Европа и Евразия. М.: Родина, 2022.
22. Федорченко С.Н. Многополярность // Большая российская энциклопедия. 22.12.2023. URL: <https://bigenc.ru/c/mnogopolarnost-9fa3ab> (дата обращения: 27.03.2024).
23. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М: АСТ, 2023. 576 с.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2022.
25. Guryanova A. V., Khafiyatullina E. R., Guryanov N. Yu. Social Inequality in Technological Transformation of Society and Economy // Economic and Legal Foundations of Innovative Development in the Digital Age. NY: Nova Science Publishers, 2022. P. 35–45. DOI: 10/52305/EKWM489

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию процессов глобализации в формате многополярности и философско-мировоззренческому обоснованию глобополицентризма. Методология исследования базируется на обобщении современных научных публикаций по теме работы, применении метода вторичного анализа данных.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что реальностью современного мира является его развитие в условиях глобализации, исходят из того, что глобализация является объективным процессом, и все попытки ее игнорирования или принудительного ограничения являются несостоятельными и изначально обречены на провал, а поэтому

глобализацию следует воспринимать как новый этап становления системной целостности мира.

Научная новизна исследования заключается в выводах о том, что современный глобомоноцентризм (по сути, американоцентризм) связан не только с утверждением одного ведущего полюса силы, но и с последовательным применением тактики «двойных стандартов» в области политики и морали при выстраивании системы международных отношений, а модель многополярного мира, в отличие от однополярной и биполярной моделей, в большей степени связана с объективной действительностью и более гарантированно дает человечеству шанс на успешное преодоление глобальных геополитических кризисов и проблем.

В публикации структурно выделены следующие разделы: Введение, Глобализация как новый формат взаимодействия цивилизаций, Биполярная глобализация: геополитическое противостояние антагонистов, Глобомоноцентризм – мировоззренческое основание однополярной глобализации, Глобополицентризм как мировоззренческое основание модели многополярности, Заключение и Библиография.

Авторы считают, что события последних десятилетий, связанные с пересмотром и усложнением существующей системы мироустройства, повышением внутри нее уровня конфликтности и деструктивности, набирающие обороты конфронтация и противостояние великих держав современности, экспоненциальный рост националистических фобий в отношении отдельных народов и государств, агрессивное поведение развитых стран в отношении развивающихся стран не останавливают процесс глобализации и даже его не замедляют, а лишь переводят его в новую плоскость развертывания – более сложную и проблематичную, в сравнении с его стартовыми этапами. В статье отмечено, что построение модели многополярного мира способствует укреплению цивилизационного суверенитета России и прочих стран мирового сообщества, а лежащий в ее основании мировоззренческий принцип глобополицентризма предполагает совместное существование в современном мире ряда мощных центров силы и власти, между которыми, собственно, и будет распределяться глобальная ответственность за будущее цивилизации, в том числе на уровне отдельных государств.

Библиографический список включает 25 источников – научные публикации по рассматриваемой теме, на которые в тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания, соответствует тематике журнала «Философская мысль», может вызвать интерес у читателей и рекомендуется к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Нижников С.А., Марцева А.В., Лагунов А.А. Типология философских мировоззрений: пантеизм и его разновидности // Философская мысль. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.4.70471 EDN: MEVERN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70471

Типология философских мировоззрений: пантеизм и его разновидности

Нижников Сергей Анатольевич

ORCID: 0000-0002-3456-2445

доктор философских наук

профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ nizhnikov-sa@rudn.ru**Марцева Анна Владимировна**

ORCID: 0000-0002-6461-8139

кандидат философских наук

доцент кафедры истории философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ martseva-av@rudn.ru**Лагунов Алексей Александрович**

ORCID: 0000-0002-8498-6449

доктор философских наук

профессор кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета

355017, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

✉ emailag@mail.ru

[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.4.70471

EDN:

MEVERN

Дата направления статьи в редакцию:

16-04-2024

Аннотация: Статья является продолжением публикации, в которой авторами было предложено выделение в многообразии философских мировоззрений трех типов (натуралистический, пантеистический и трансцендентный), а также проанализирован первый тип. В данном исследовании, по аналогии с натуралистическим мировоззрением, пантеистическое мировоззрение рассматривается на предмет адекватности решения в нем кардинальных философских проблем: бытия Абсолюта, первопричины мироздания и источника движения, теодицеи, возможности обоснования морали и гуманизма. По мнению авторов, в отличие от приверженцев натурализма, не способного ответить на кардинальные философские вопросы исходя из понятия материи, пантеистически настроенные мыслители вполне осознавали необходимость и неизбежность мысли об Абсолюте. Вместе с тем указывается, что Абсолют пантеизма не абсолютен, так как не является совершенством. В силу этого в рамках данного мировоззрения невозможны теодицея (зло вынужденно помещается в сам Абсолют), а также обоснование свободы, без которой, в свою очередь, невозможно обосновать мораль. Философско-методологической основой исследования стал феноменологический подход, в соответствии с которым познавательная интенция должна обеспечивать достижение непосредственного контакта с имеющим подлинную сущность объектом, что позволяет наиболее полно раскрыть его экзистенциальное содержание. Элементами научной новизны обладает не только осуществляющаяся в серии статей концептуализация типов философских мировоззрений, но и авторское деление пантеизма на виды: натуралистический (Бог в природе: Б. Спиноза), генотеистический («прорастание» Бога в мир: Эмпедокл), мистический или панентеизм (природа в Боге: Ф. Шеллинг, С. Л. Франк), динамический или диалектический (Г. Гегель), экзистенциальный (М. Хайдеггер). Отмечается, что за редкими исключениями русская метафизическая мысль, развивавшаяся в рамках философии всеединства Вл. Соловьева, находившегося под сильнейшим влиянием философских построений Г. Гегеля и Ф. Шеллинга, не смогла преодолеть границ панентеизма и выйти к мировоззрению трансцендентного типа, признающему трансцендентное как онтологическую категорию и осуществляющему трансцендирование к ней, опирающемуся на нее, что можно определить как духовное познание, экзистенциально-феноменологический анализ которого планируется провести в следующей публикации.

Ключевые слова:

всеединство, натурализм, метафизика, Абсолют, теодицея, пантеизм, панентеизм, трансцендентизм, мировоззрение, материализм

Публикация выполнена в рамках инициативного проекта НИР ФГСН РУДН № 100343-0-000. «Русская философия на перекрестке культур: в поисках диалога».

This publication has been supported by the project RUDN University No. 100343-0-000 "Russian philosophy at the crossroads of cultures: in search of dialogue".

Введение

При анализе натуралистического мировоззрения ^[1] авторы пришли к выводу, что в его рамках невозможно логически непротиворечиво и доказательно представить материю

как единственный онтологический источник бытия всего сущего (материализм), установить причину движения, сформулировать вразумительную теодицею, обосновать мораль и гуманизм. Оказалось, что без метафизики и умозрения как чистой теории, — несмотря на их критику в позитивизме и материализме, — не обойтись, как не обойтись и без понятия Единого или Абсолюта, которые могут получать различное наименование в метафизических концепциях (Бытие у Парменида и М. Хайдеггера, идея Блага у Платона, Нус у Аристотеля, Единое у неоплатоников, Субстанция у Б. Спинозы и т.д.).

Натурализм в принципе не способен ни понять, ни обосновать ничего духовного — смыслового, умозрительного, ценностного; такие понятия как Абсолют, вечность, душа, дух отрицаются изначально, однако без них невозможна сознательная и моральная жизнь — ни человека, ни общества. Духовно-интеллектуальное развитие человека и общества закономерно привели к рождению, формулированию метафизической монистической категории Абсолюта в философии и Бога в теистических религиях. Философия в поисках первоначала с необходимостью приходит к единому источнику всего — *архэ*, а религиозное сознание к монотеизму, при этом они дополняют друг друга. Как пишет А. В. Семушкин: «...идея философского единобожия не настолько чужда греческому сознанию, как может показаться на первый взгляд. Никогда не будучи официальной, она всегда была предметом интеллектуального культа философов, начиная с самых ранних времен исторической Греции» [2, с. 111-112]. Фактически и религия, и философия — две стороны единого процесса, две формы познания Абсолюта, которые сходятся на вершине познания: идея Блага у Платона божественна, Аристотель называет свой перводвигатель Богом, который совершенен и испытывает блаженство, у Г. Гегеля предмет у философии и религии один, разница лишь в методах его познания, М. Хайдеггер, сам негативно относившийся к теологии, своим творчеством породил новый виток ее развития.

Натурализм не просто не решает духовных и соответствующих интеллектуальных проблем, он даже не осознает необходимость такого решения, — он не видит даже самих проблем. Человек здесь зачастую — просто продолжение развития природы. Осуществляется попытка вывести его социальность и духовность из представлений о развитии биологических организмов, животных и т.д. Однако это невозможно, а софистические утверждения легко разоблачаются, если мы мыслим последовательно и фактически. Например, отсутствие понятия единого источника сущего разрушает возможность построения любой логики для дальнейшего решения фундаментальных философских проблем. Понятие материи неспособно занять место Единого ни онтологически, ни гносеологически, а если нет Абсолюта, то как возможна теодицея? Никак. Однако натурализм не озадачен решением данной проблемы, ибо не осознает ее, не доходит до нее. Он — поверхностен, берет человека лишь как биологический вид, хотя может и говорить о его социальности (марксизм), но, опять же, не способен ее обосновать, ибо социальность невозможно вывести из природы, из трудовой деятельности и других характеристик, которые сами являются результатом все тех же общественных отношений. Социальность и мораль — продукт трансцендирования природно-биологического, а не результат преемственного развития последнего. Однако в современном мире именно натурализм празднует победу, так как у современного человека «атрофирован метафизический инстинкт» (А. В. Семушкин), он ориентирован лишь на эмпирическое познание и чувственные наслаждения, живет в буржуазном обществе потребления, реализуя его установки и представления (Эрих Фромм).

Однако Абсолют неустраним, если мы хотим объяснить происхождение мира и решить иные фундаментальные философские проблемы. Данная категория метафизична,

умозрительна — поэтому мы вступаем в сферу метафизического мышления, ведь Абсолют, по определению и логически, умозрителен и сверхсущ. С этим согласятся все метафизически мыслящие философы. Но если мы будем углубляться в данные построения, то встретимся с внутренним разделением в их лагере, носящем принципиальный характер. Прежде всего, оно выражается в различии между *пантеизмом* и *трансцендентизмом*: в первом Абсолют так или иначе онтологически связан с миром, вплоть до отождествления с ним, во втором он всецело за его пределами, выступает в качестве Творца, а не просто демиурга, упорядочивающего совечную ему материю (пантеизм).

Видовое многообразие пантеизма

Как было показано, умозрение в поисках первоосновы сущего с необходимостью приходит к единому началу. Политеистическое мышление пытается завершить плюрализм в некое единство — выделить главное божество-понятие: философия как раз начинается с осознания данного монизма и идет навстречу монотеизму, способствует его формированию. Именно за это преследовали многих античных философов, так как их размышления не укладывались в политеистическое мировосприятие. Пантеизм завершает собой здание политеизма, но не исключает его, что мы видим на примере неоплатонизма — классической системы пантеизма.

Пантеизм отождествляет Абсолют с природой, или мыслит его в тесной связи с ней, однако эта связь, в свою очередь, может быть различной, и здесь мы можем выделить несколько видов пантеизма, прежде всего — логически поднимаясь от его натуралистической формы к «мистической» или панентеизму [\[3, с. 321\]](#), который приближается к трансцендентизму, но не способен в него перерасти:

1. *Натуралистический пантеизм*. Его классический вариант — спинозизм: «...я считаю Бога, — пишет Б. Спиноза в письме к Генриху Ольденбургу, — имманентной (как говорят) причиной всех вещей, а не трансцендентной (transcens)» [\[4, с. 546\]](#). Этот вид пантеизма фактически отождествляет Абсолют с природой (Бог в природе) и стоит ближе всего к натурализму, а может и эволюционировать к нему.
2. *Мистический пантеизм* или *панентеизм* (термин введен Карлом Краузе в 1828 г.) [\[5, с. 66\]](#), мыслящий природу в Боге («все в Боге», от греч. $\pi\alpha\nu$, $\rho\acute{\alpha}\nu$ — «все», $\epsilon\nu$ — «в» и $\Theta\epsilon\acute{o}\varsigma$, $\Theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ — «Бог»). Наиболее ярким и глубоким его выразителем, на наш взгляд, был Ф. Шеллинг. Его предшественниками являлись Иоанн Эриугена, Мейстер Экхарт и Николай Кузанский. В России это — традиция всеединства от Вл. Соловьева до С. Л. Франка, который сам называл свою систему панентеистической [\[6\]](#).

Также можно выделить иные модификации пантеизма:

3. *Диалектический (динамический) пантеизм*. Так определил философию Георга Гегеля отечественный мыслитель Лев Лопатин.

4. Мы бы выделили еще и четвертый вид, *экзистенциальный пантеизм* Мартина Хайдеггера.

Последние два вида пантеизма принимают форму панентеизма, поэтому их можно рассматривать также как подвиды второго, «мистического пантеизма».

Конечно, сам Хайдеггер, к примеру, никогда бы не согласился с такой характеристикой, некоторые философы вообще отрицают определенность таких категорий как пантеизм и

трансцендентизм, тем не менее они универсальны и ни одна философская концепция, претендующая на решение мировоззренческих проблем, не может избежать данной классификации. Для выяснения мировоззренческой направленности той или иной философской концепции необходимо взять ее основополагающую категорию, ее «Абсолют» и определить его онтологический статус; при этом мы увидим, что этот статус неизбежно будет или натуралистическим, или пантеистическим, или трансцендентным. Хайдеггеровское понятие бытия, несмотря на его характеристику как трансценденции, не является трансцендентным.

Хайдеггер попытался самоустраниться от характеристики своего философского мировоззрения, «спрятавшись» за понятие «фундаментальной онтологии» экзистенциального типа. Однако, как мы отметили ранее, невозможно избежать мировоззренческой определенности, и мы бы охарактеризовали учение Хайдеггера о бытии как мистический пантеизм. Так, в итоге своих «витаний» между бытием и сущим (термин, который использовал С. Л. Франк), философ формулирует следующий вывод: «Само бытие, это значит: наличность наличного, т.е. двусложность этих двух в их односложности» [7, с. 277]. Бытие у Хайдеггера оказывается двусложным, а для его понимания необходимо «увидеть явленность как сущность наличия в его сущностном происхождении» [8, с. 69]. Сущее и бытие находятся в некой пантеистической связи. Известны размышления Хайдеггера о Ничто и ужасе как об одном из основных экзистенциалов. Фр. Якоби, критикуя предшественников Хайдеггера высказал такую мысль: «...всякий мыслитель, потерявший в своих исследованиях веру в Бога, найдет лишь Ничто — которое никто не может любить...» [9, с. 557]. Если результатом трансцендирования к Трансцендентному является благодать, то трансценденция у Хайдеггера характеризуется ужасом. И это не случайно, ведь его бытие есть Ничто, бездна, заглядывание в которую вызывает соответствующее состояние.

Как раз на различии понятий трансценденции и трансцендентного основывается отличие пантеизма от трансцендентизма. Трансценденция — понятие пограничное, оно обозначает стояние на границе сущего в «просвете бытия» (Хайдеггер), стояние, не предполагающее шага вперед, необходимого для разрыва онтологической связи с сущим и признания трансцендентного. Такова кантовская традиция, за которую не вышел ни Хайдеггер в ФРГ, ни, например, М. Мамардашвили в СССР. Мировоззрение трансцендентного типа признает трансцендентное как онтологическую категорию и осуществляет трансцендирование к ней, опирается на нее, что можно определить как духовное познание. Если же нет трансцендентного, а лишь трансценденция, Хайдеггеровское Ничто, то невозможно и трансцендирование, невозможен радикальный выход за пределы сущего. Трансцендирование возможно лишь в опоре на трансцендентное, поэтому, когда, скажем, Ж.-П. Сартр утверждает, что его «экзистенциализм — это гуманизм», — он выдает желаемое за действительное. Гуманизм, мораль являются результатом реального трансцендирования, но у атеистического экзистенциализма нет трансцендентного, без которого невозможно обоснование указанных понятий.

Пантеизм в истории философии

Однако остановимся подробнее на возникших в рамках пантеизма мировоззренческих, философских проблемах и на рассмотрении вопроса о том, как он их решает и способен ли он их решить.

Конечно, в отличие от натурализма, который терпит полное фиаско в ответе на

фундаментальные философские вопросы, пантеизм более результативен: он осознает необходимость подняться от сущего к бытию, от многообразия явлений к единому их источнику. Снова обратимся в нашем анализе к античной мысли, в которой пантеистические концепции начинают получать философское обоснование. Гилозоистический пантеизм ранних ионийских натурфилософов понятен и к нему нет вопросов, так как там еще не могли возникнуть позднейшие проблемы причины движения, теодицеи, свободы, морали. Необходимо не выпасть из фюсиса-природы, не отпадать от Логоса, восстановить изначальное единство — тем самым решались все проблемы. Однако постепенно росло осознание специфики общества и человека, несводимости их к природе, появлялось все больше и больше вопросов, требовавших от философов адекватных ответов.

В связи с пантеизмом рассмотрим, на наш взгляд, наиболее интересную фигуру еще досократовского периода, уже осознававшую необходимость анализа судьбы человека перед лицом фюсиса-природы. Это — Эмпедокл. Именно он стремился построить первую развернутую систему пантеизма, ответить на вопрос о единстве и развитии бытия (совместить гераклитовский поток с неподвижным бытием Парменида), соотнести его с судьбой человеческой души — по сути, ставил экзистенциальные и сотериологические вопросы, насколько это было возможно в рамках античной культуры. Он — «создатель религиозно-нравственной метафизики» [2, с. 52]; его космогенез совпадает с тео- и антропогенезом, его единое, Сфайрос, претерпевает метаморфозы внутри себя в соответствии с победой или Любви, или Вражды. Бог Эмпедокла, по А. В. Семушкину — это «развивающаяся субстанция»: «...он не может создавать вещи, не превращаясь в них сам; он не творит вещи и не ваяет их из материи, а распадается на них, прорастает в них сам» [2, с. 113]. Можно сказать, что у Эмпедокла, в силу его натурфилософских представлений, еще связанных с гилозоизмом, возникает свой вариант пантеизма — *генотеистический* (прорастание Бога в мир). Вражда внутри Сфайроса выводит его из равновесия и изначальное блаженное единство распадается на множественность, запуская процесс космогенеза. Хотя Сфайрос и представляется как «жертва внешней ему враждебной силы», однако ведь кроме него ничего нет, и Вражда, и Любовь гнездятся в нем самом. Для пантеизма, отмечает А. Ф. Лосев, необходимо «выводить зло из недр самого Божества», потому что «пантеизму естественно быть иерархической системой» [10, с. 875]. Это — принципиальный момент, Ахиллесова пята любого пантеизма: зло коренится в нем самом, и здесь основная онтологическая проблема, которую в рамках пантеизма разрешить невозможно. Поясним данный тезис.

Абсолют по определению абсолютен, т.е. должен обладать всем набором превосходнейших качеств, так как если в нем будет нехватка чего-то, то он не сможет быть абсолютным, самодостаточным, завершенным, совершенным, всемогущим и т.д. На этом строится онтологическое доказательство бытия Бога. Если же в нем есть зло, значит, он не являет собой совершенства, — есть «трещина» в его бытии. Отсюда следует вывод, что пантеистический Абсолют не абсолютен, т.е. вовсе не является Абсолютом. Пантеизм выдает желаемое за действительное. Если натурализм напрямую отрицает Абсолют, но лукаво подменяет его материей, то пантеизм, признавая Абсолют, лишен искренности и ясности в своих рассуждениях, всячески стремясь скрыть «трещину», затушевать ее всевозможными логическими ухищрениями: от натурализма он эволюционирует к пантеистическому мистицизму.

В истории новоевропейской философии мы видим мировоззренческую инволюцию от средневекового трансцендентизма через пантеизм к натурализму [11]. Однако в господствующей методологии понимания историко-философского процесса доминирует

гегелевская прогрессистская модель — она представляет собой основное русло развития новоевропейской философии, ее немецкий мыслитель наиболее тщательно проработал и диалектически выразил в своей системе абсолютного идеализма. Данное понимание считается по сути, непрерываемым и преподается в высших учебных заведениях. П. П. Гайденко пишет, что «Гегель соединил натуралистический пантеизм Спинозы ("субстанцию") и мистический пантеизм Фихте ("Субъект"), освободив последний от остатков трансцендентного» [\[12, с. 102\]](#). Г. Флоровский и П. Гайденко подвергли глубокой критике пантеизм, прогрессизм, «хитрость разума» и рационализм немецкой классической философии, показав, что результатом этих установок явились имперсонализм и аморализм [\[12, с. 102-103\]](#), эти неизбежные следствия невозможности построения теодицеи в рамках пантеизма. Так Г. Флоровский пишет: «И всего удивительнее нечувствие ко злу. Зло физическое поражало воображение больше, нежели зло моральное... Зло разрешалось в несовершенство, это есть уже отречение от этических категорий. И даже превращалось в вечно-необходимый полюс бытия, в момент гармонии и полноты... Учение о грехопадении имело скорее космологический, нежели этический смысл. И в нем зло вводилось в план становления мира. Все это снова античные черты...» [\[13, с. 419\]](#).

Таким образом, наиболее проникательные философы были не согласны с Гегелем. К ним можно отнести и М. Хайдеггера, а в русской философии — это множество имен, от Вл. Соловьева до Г. Флоровского, А. Ф. Лосева и П. Гайденко. Вот как формулирует свое инволюционное понимание А. Ф. Лосев: «Если для Средних веков Бог есть сверх-бытие и сверх-факт, для Возрождения Он есть только факт, для Просвещения — условная идея, то для Канта Он — необходимая субъективная идея... От Возрождения до Канта была проделана первая и необходимая часть сатанинского проекта нападения на Бога. Два века упорной борьбы привели, наконец, к тому, что Бог перестал быть бытием и превратился только в идею.

...Ещё один шаг, и — сам человек будет объявлен богом, но этот шаг сделал не Кант, но Фихте, романтики и Фейербах» [\[14, с. 261-262\]](#).

Однако почему-то философы-пантеисты всячески стремились отмежеваться от пантеизма как от чего-то «нехорошего» и всячески подчеркнуть свою приверженность христианству: то ли к этому обязывало господство религиозной идеологии, которая тогда еще была сильна, то ли это происходило в силу интуитивного понимания тупиковости пантеистической методологии, — можно только предполагать. «Присягали» христианству и Гегель в Германии, и Вл. Соловьев в России, и многие другие. По данному поводу существовал даже «спор о спинозизме» в Германии и России (между Е. Трубецким и Л. Лопатиным по поводу наследия Вл. Соловьева) [\[15, с. 170-183\]](#). Можем также отметить разницу в трактовках творчества Мейстера Экхарта и Николая Кузанского А. Лосевым и П. Гайденко: если у Лосева Экхарт пантеист, то у Гайденко, напротив — Кузанец (?).

Н. А. Бердяев также, с одной стороны, ясно осознавал всю неприемлемость пантеизма, когда писал: «В этом отвращении от христианства есть что-то странное и таинственное. Особенно охотно человек нашей эпохи становится пантеистом, если религиозная потребность не окончательно в нем заглохла. Пантеизм и пантеистическая мистика уживается и с позитивизмом, и с атеизмом, и с марксизмом, и с любым учением современности. Только христианский теизм ни с чем не уживается, и современность не принимает его. Современный человек думает, что при пантеизме сохраняется его личность, за человечеством признается огромное значение, свобода, как и прочие

хорошие вещи, остается при нем, а вот при христианстве и личность порабощается, и свобода исчезает, и человечество унижено. Какая странная аберрация! В действительности все как раз наоборот» [\[16, с. 34\]](#). В работе «Дух и реальность» Бердяев пишет, что «пантеизм в сущности посюсторонен и порожден мыслью и понятием» [\[17, с. 433\]](#). Однако, вместе с тем, в другой своей работе он пишет уже иное: «Наш природный мир есть мир греховный и в греховности своей внебожественный. Но истинный мир есть мир в Боге. Панентеизм лучше всего выражает отношение между Богом и миром. Пантеизм есть ложь, но в нём есть доля истины, и она выражена в панентеизме. Панентеизм только выражает состояние мира преображенного. Мир, человечество, космическая жизнь принципиально божественны, а не внебожественны, в них действуют Божественные энергии. Тварность преодолима. Преодолимо ничто, с которым связана тварность. Тварный мир может быть обожен» [\[18, с. 168\]](#).

Заключение

Следует с сожалением констатировать, что даже крупные философы допускали терминологическую неясность и путаницу в собственных суждениях. Это мы можем обнаружить не только у Бердяева (как и у Гегеля и Шеллинга), нередко они были и у многих других русских метафизиков. П. П. Гайденко верно заметила, что русский Серебряный век с эпохой Возрождения роднит не только небывалое развитие искусств, философии, но и «ослабление чувства греховности», «распространение пантеизма, мистицизма, герметизма и гностицизма» [\[12, с. 332\]](#). Так, Иоанн Мейендорф пишет: «Мне кажется, что Владимир Соловьев и вся его группа приняли немецкий идеализм за философию и где-то бессознательно капитулировали перед ним без каких бы то ни было злых намерений» [\[19, с. 48\]](#). Если Вл. Соловьев был зависим от Гегеля и Шеллинга, то кумирами Бердяева были немецкие мистики: Экхарт, Бёме и др.

Однако, на наш взгляд, наиболее интересная фигура, и несколько обделенная вниманием в данном отношении, это — Шеллинг. Задачу оправдания пантеизма он поставил в работе «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» (1809) и, дойдя до пределов мистического пантеизма, потерпел неудачу, вызвав заслуженную критику со стороны Гегеля. Шеллинг вначале превозносил систему Спинозы, но затем, осознав невозможность обоснования в ее рамках свободы, задался целью ее модернизировать, фактически создав систему панентеизма с сильной гностической струей. И здесь опять же неразрешимой оказалась не только проблема обоснования свободы, но и теодицея. Последняя мысль Шеллинга — об Абсолюте как тождестве в виде «абсолютной индифференции» (где «все кошки серы», — Гегель), не выдерживает критики. Тем не менее Шеллинг, в свою очередь, «заразил» пантеизмом Вл. Соловьева (хотя П. П. Гайденко, цитируя А. Кожева и соглашаясь с ним в том, что образцом для Соловьева служит почти исключительно Шеллинг, к которому восходят метафизические идеи Соловьева, при этом отмечает, что «было бы напрасным трудом искать это имя в сочинениях Соловьева: он упоминает его мимоходом лишь в своей книге, посвященной истории философии» [\[12, с. 91\]](#)), разрабатывавшего концепцию всеединства, которая оказала огромное влияние на последующее развитие метафизической мысли в России, получившей от этого панентеистическую окраску, вплоть до С. Л. Франка, который сам называл свою философскую систему панентеизмом, но при этом считал себя христианским философом.

Таким образом, русская метафизическая мысль, развивавшаяся в русле философии всеединства, не смогла преодолеть пантеистическую тенденцию, воспринятую ею из

немецкой классической философии, от Шеллинга и Гегеля, хотя всячески стремилась ее расширить и углубить. Свободными от этой тенденции оказались православные философы — В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский, В. Н. Лосский и др., исходившие из теистически-трансцендентного типа мировоззрения. Но это уже предмет следующего специального исследования.

Библиография

1. Нижников С. А., Лагунов А. А. Типология философских мировоззрений. Проблемы натуралистического мировоззрения // Философская мысль. 2024. № 1. С. 56-68.
2. Семушкин А. В. Эмпедокл. М.: «Мысль», 1994.
3. Соколов В. В. Философский синтез Готфрида Лейбница // Г. В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во «Мысль», 1982. С. 5-36.
4. Спиноза Б. Сочинения: В 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 2006.
5. Журавлев О. В. Панентеизм: философско-религиозная доктрина и социокультурное явление // Теоретическая конференция «Религия и атеизм в истории культуры». Л.: Наука, 1989. С. 66-68.
6. Бондарева Я. В. Русская религиозная философия между трансцендентизмом и пантеизмом (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной Философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 2. С. 78-85.
7. Хайдеггер М. Из разговора относительно языка между Японцем и вопрошающим // Время и бытие. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 273-301.
8. Проблема человека в западной философии. М.: «Прогресс», 1988.
9. Якоби Ф. [Последнее слово к современникам] // Фридрих Якоби: вера, чувство, разум. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 553-559.
10. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: «Мысль», 1993.
11. Лагунов А. А. Мировоззренческая инволюция: причины, последствия и перспективы: Монография. М.: ИНФРА-М, 2022.
12. Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
13. Флоровский Г. В. Метафизические предпосылки утопизма // Из прошлого русской мысли. М.: «Аграф», 1998. С. 265-292.
14. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
15. Нижников С. А. Метафизика веры в русской философии: Монография. М.: ИНФРА-М, 2017.
16. Бердяев Н. А. Опыт философского оправдания христианства (О книге В. Несмелова «Наука о человеке») // Несмелов В. И. Наука о человеке. К., 1994. С. 29-53.
17. Бердяев Н. А. Дух и реальность // Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 364-462.
18. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
19. Мейендорф И. Православие и современный мир. Минск: «Лучи Софии», 1995.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой попытку концептуального анализа такого историко-философского и историко-культурного явления, как пантеизм, осуществлённую с привлечением материала истории философии и оценок этой мировоззренческой

позиции современными исследователями. Авторы отталкиваются от понятия натурализма, который, насколько можно судить по тексту, они понимают как родовое понятие по отношению к материализму (материализм – «категориально оформленный» натурализм, имеющий помимо него множество других образов в истории философии). Авторы дают исключительно негативную оценку натурализма: «невозможно логически непротиворечиво и доказательно представить материю как единственный онтологический источник бытия всего сущего (материализм), установить причину движения, сформулировать вразумительную теодицею, обосновать мораль и гуманизм», «натурализм в принципе не способен ни понять, ни обосновать ничего духовного — смыслового, умозрительного, ценностного», и т.п. Хорошо известно, что философия, в отличие от науки, не может игнорировать личные мировоззренческие установки человека, поэтому в общем виде подобные оценки вряд ли могут вызывать осуждение. Другое дело – историко-философская корректность, которая «оказывается в опасности», если пытаться навязывать читателю собственную мировоззренческую позицию слишком прямолинейно. Думается, авторам не удалось избежать подобных «острых углов» построения философского рассуждения. Например: «Натурализм не просто не решает духовных и соответствующих интеллектуальных проблем, он даже не осознает необходимость такого решения, — он не видит даже самих проблем. Человек здесь зачастую — просто продолжение развития природы». Если всякий материализм – пример натурализма, то приходится констатировать, например, что к материализму Маркса эта характеристика не имеет никакого отношения. Далее, натурализму, полагают авторы, противостоит позиция «метафизически мыслящих философов», которая, в свою очередь, подразделяется на пантеизм и трансцендентизм (последний термин трудно всё же признать удачным, хотя и понятно, что он означает). Это различие авторы возводят к различию «трансценденции» и «трансцендентного». Снова хотелось бы предостеречь авторов от опасности простой ошибки: вряд ли *die Transzendenz* (авторы явно ориентируются на немецкую философскую лексику) допустимо переводить во всех контекстах как «трансценденция», во всяком случае, использование этого термина в экзистенциальной философии не вписывается в «деления», принимавшиеся в классической философии. В дальнейшем изложении авторы предлагают классификацию видов пантеизма и исторический очерк его эволюции, причём большинство их оценок в этой части статьи носят традиционный характер. Странно, что они не упоминают панентеизм (или панэнтеизм в другой транслитерации), этот термин, возникший в шеллингианской традиции, помог бы избежать некоторых неоправданных обвинений европейских мыслителей. Странно и то, что в списке литературы отсутствуют публикации на иностранных языках. В некоторых случаях встречаются стилистические погрешности, например: «абсолют по определению абсолютен», – явно не «по определению», если же авторы имели ввиду не определение, а этимологию слова, то она не совпадает с «всесовершенством», и, кстати, «противится» тому, чтобы и пантеисты пользовались этим понятием. Несмотря на высказанные замечания, некоторые из которых могут быть учтены в рабочем порядке до публикации, статья соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным публикациям, рекомендуемую принять её к печати.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Загрядская А.С. Ренессанс как эстетический механизм: эпоха Возрождения и русский Серебряный век //

Философская мысль. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.4.48489 EDN: MJRLEZ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=48489

Ренессанс как эстетический механизм: эпоха Возрождения и русский Серебряный век

Загрядская Алиса Сергеевна

ORCID: 0000-0001-8085-3887

соискатель ученой степени кандидата наук

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская Линия, 5

✉ zagryadska@mail.ru

[Статья из рубрики "Эстетика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.4.48489

EDN:

MJRLEZ

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2023

Аннотация: Объектом настоящего исследования является феномен ренессанса в культуре, предметной областью – причины и механизм разворачивания ренессансных процессов. Проблемы, от которых мы отталкиваемся – размывание термина «ренессанс» в гуманитарных исследованиях и отсутствие его концептуализации с точки зрения эстетической чувственности. Один из устоявшихся ракурсов рассмотрения феномена ренессанса – обобщение его в качестве универсального явления. Понимание «возрождения» как повторяющегося события и свойства культуры ставит вопрос об основаниях и характерных чертах «ренессансности». Статья обозначает подобные признаки с позиций философской эстетики, обращаясь к изменениям пространственно-временных концепций европейского Возрождения и русского Серебряного века, а также продуктивным следствиям этой перекодировки. Оригинальность авторского подхода состоит в том, что приближение к теме осуществляется через исследование исторических трансформаций чувственности и сенситивности, пока что не получивших развернутого осмысления на территории эстетики. Для описания культурных возрождений как эстетических процессов предлагается концепция «эстетического

механизма» ренессанса, основанная на идее смены хронотопов. Основные выводы состоят в том, что пересимволизация пространства и времени, определенных И. Кантом как априорные формы чувственности, обуславливает изменение организуемых ими феноменов, а результатом изменения картины мира и экзистенциального положения субъекта становится интенсификация культуры, которая и составляет ренессанс.

Ключевые слова:

эстетика Ренессанса, эстетика Серебряного века, русский ренессанс, культурный ренессанс, чувственность, априорные формы чувственности, хронотопирование, время и пространство, эстетический механизм, эстетический механизм Ренессанса

Ренессанс как феномен чувственности

Осмысление западноевропейского Возрождения как целостного феномена началось в обобщающих классических исследованиях Ж. Мишле, Г. Фойгта и Я. Буркхардта и было пересмотрено во времена, когда наука стала, по словам Э. Панофского, «все более недоверчивой ко всякой периодизации» [\[1, с. 49\]](#). Универсализация Ренессанса выводит его из временных рамок условных XIV-XVI веков и европоцентрической перспективы, что позволило исследователям обнаружить сходные явления в разных культурах, будь то средневековые «ренессансы в искусстве Запада» (Э. Панофский) или восточные ренессансы (В. М. Алексеев, Н. И. Конрад). Компаративистские подходы привели к релятивизации и «рассеиванию» ренессанса, что, в свою очередь, вызывает потребность в уточнении его специфики и характеристик.

В частности, русским культурным (духовным, религиозно-философским) ренессансом называют период рубежа XIX-XX веков, когда наметился творческий подъем во всех сферах жизни. Термин «русский ренессанс» определенный евразийцем П. П. Сувчинским как «исцеление интеллигенции от нигилистического безумия 60–80-х гг.» [\[2\]](#), был популяризирован Н. А. Бердяевым: «Мы пережили своеобразный философский, художественный, мистический ренессанс»; «культурный ренессанс начала века»; «русский эстетический ренессанс» [\[3\]](#). Меткая метафора прижилась, вышла за пределы фигуры речи и приобрела описательную силу.

Сопоставление европейского Возрождения и Серебряного века проводят многие исследователи. «В начале XX века Россия переживала свой собственный Ренессанс, который получил название религиозно-философского Возрождения», отмечает В. П. Шестаков [\[4\]](#). «Эпоха Серебряного века в русской культуре так же самобытна и исторически обособлена, как эпоха Возрождения или Реформация в культуре европейской», полагает Н. К. Бонецкая [\[5\]](#). Хотя сравнение лежит на поверхности, методологические инструменты для измерения глубины разнятся. В разных источниках понятия «русского ренессанса» и «Серебряного века» выступают как синонимичные, синтезируются («ренессанс Серебряного века») или разводятся [\[6\]](#). Одни авторы обозначают критерии и факторы, сближающие Возрождение и эпоху русского модернизма с культур-философских позиций [\[7\]](#), другие формулируют единую духовную парадигму ренессансной метакультуры [\[8\]](#). Но что именно позволяет употреблять термин «ренессанс» по отношению к разным эпохам и культурным ситуациям (в частности, русскому Серебряному веку) не только метафорически, но и концептуально?

Как подчеркивал в исследовании о проблеме региональных ренессансов М. Т. Петров, дискуссии о (не)универсальности ренессанса приводят к закономерному вопросу о том, насколько вообще возможно сопоставление исторических процессов в разных эпохах и частях мира ^[9]. Это, в свою очередь, требует от нас прояснения того, на каких основаниях может осуществляться сближение разных «ренессансов». Один из возможных ответов могут подсказать морфологическое исследование культур О. Шпенглера, проводившего разницу между аналогией (сходные внешне явления, которые формировались по-разному) и гомологией (явления, которые выглядят по-разному, но имеют общее морфологическое происхождение) ^[10]. В шпенглеровой концепции поиск собственной современности для каждой культуры — это олицетворение принципа гомологичности. Тогда как в рамках аналогичности события, имеющие схожую форму, могут иметь для субъектов разных культур различное значение. Опираясь на принцип морфологического сопоставления и гомологии исторических феноменов, можно обнаружить работу схожего механизма в разных культурах, выявить закономерности и общие принципы.

Очевидно, что культурная ситуация Европы XV века отлична от России конца XIX века, однако в обоих случаях речь идет о поиске духовно-эстетического синтеза, характерного для ренессанса как мета-явления. В западноевропейском Ренессансе, когда возник новый интерес к материальности, соединенный с личностно-аффективным восприятием, и оформились новые символические хронотопы (в физическом мире, в пространстве религиозного культа, в измерении искусства), значимость чувственности существенно возросла. Схожие процессы формирования новых способов разметки реальности и реактуализации чувственного познания происходили в период, когда русская культура пережила короткий, но плодотворный «век», получивший название Серебряного.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных Возрождению как эпохе и принципу, подход с точки зрения чувственности не получил пока развернутого осмысления. Между тем, в сегодняшней эстетической науке тема чувственности становится все более актуальной, возвращая дисциплину к собственным истокам. Усиливается внимание к основаниям восприятия, к соматике и сенситивности. В эпоху виртуализации, когда чувственность переживает новые радикальные изменения, тема трансформаций рецептивности и ресимволизации чувственного мира представляется особенно интригующей. Таким образом, наша цель — придать понятию «ренессанса» аналитическую эффективность с точки зрения эстетики, обозначив для этого эстетико-философские основания универсальности ренессанса, связанные с изменениями чувственности.

Априорные формы чувственности и эстетический механизм

Пространство и время — фундаментальные категории человеческого опыта, концептуализация которых, однако, может различаться от культуры к культуре. Резоны рассматривать объединение этих категорий в единую координатную сетку (во всяком случае, когда речь идет о европейском мире) можно обнаружить в трансцендентальной эстетике И. Канта с ее аналитикой априорных форм чувственности, собирающих разрозненные восприятия. Доопытные чистые созерцания существуют в кантовской системе как онтические координаты, которые фиксируют порядок сущего, делая возможным чувственное познание. Феномены в границах этих координат могут состояться в силу присвоенных значений. Представление о пространстве и времени как организующих координатах приводит к соображению о том, что их перепрочтение будет вызывать перекодировку феноменального контента, который те организуют ^[11].

Многими исследователями признается культурная фундированность актуального временения и пространственного мышления, что позволяет говорить о вариативности кодировок. Например, в «новой антропологии» существуют перспективистские и мультнатуралистские концепции (Э. Вивейруш де Кастру), в когнитивной лингвистике и теории познания — релятивистские и пострелятивистские (С. Ю. Бородай). Эти подходы объединяет представление о том, что разных культурах базовые характеристики сущего воспринимаются иначе. Тот же принцип возможно применить к (очень условно единой) европейской цивилизации с ее исторической сменой онтик. Говоря словами М. Хайдеггера, феномен есть то, что «кажет себя как бытие и бытийная структура» [\[12, с. 83\]](#), а феноменология выражает не содержательное «что» предметов философского исследования, но их «как». Таким образом, способ, которым кажет себя сущее, зависит от того, как оно упорядочивается в той или иной системе координат и являет себя восприятию.

Исходя положений о фундаментальности пространства и времени для опыта, а также возможности их описания как базовых координат реальности, эстетический механизм ренессанса может быть описан следующим образом. Вслед за трансформацией пространственно-временной матрицы происходит пересимволизация ее содержимого: меняются способы хронотопирования сущего, и феномены приобретают новые значения. Смене концепций пространства и времени сопутствует переопределение экзистенциального положения человека как сущего, обладающего способностью вопрошать о себе. Пространственно-временная рамка сказывается на том, какое место субъект отводит для себя в мире, как эстетически осмысляет данные чувственного опыта и выстраивает иерархии. Меняются рецептивные принципы, ранжирование и репрезентация ощущений — словом, сама чувственность. Трансформация чувственности находит отражение в искусстве, которое служит языком освоения мира. Усиление художественного и духовного поиска, появление новых описательных моделей и форм искусства — результат осмысления культурой новой действительности. Таким образом, явления, которые называют «ренессансами», представляют собой интенсивное развитие культуры, вызванное изменением концептуализации пространства и времени.

В качестве примера рассмотрим траектории изменения хронотопирования в Ренессансе и Серебряном веке; обозначим обусловившие новое символическое оформление пространства и времени факторы, а также эстетические следствия этой трансформации.

Эстетический механизм Возрождения

Категории пространства и времени не были едиными для всех европейских стран и социальных групп, однако согласимся с А. Я. Гуревичем в том, что возможно говорить о едином субстрате, на котором возникают различия [\[13\]](#).

В рамках народного средневекового сознания пространство делилось на локальные места обитания (земледельческая усадьба как модель Вселенной). Природное время, традиционно описываемое как Круг, соответствовало аграрному циклу, пространственно-временные координаты сохраняли мифологическую неопределенность и аморфность. Такому картографированию реальности символически соответствует недифференцированность индивида и природы, отраженная в художественных гиперболизациях Средних веков. Средневековое христианское время традиционно описывают как линейность, определенную эсхатологическими ориентирами (Стрела). Моделью Вселенной в церковно-феодалной действительности выступал собор, мир организовывала уходящая на небо иерархия, где сущее ранжировалось сообразно

близости к Богу. Этой картине реальности сообразны аллегорическая трактовка феноменов и дуалистическое видение человека, основанное на поляризации горнего и дольного. Дохристианское искусство было чуждо натурализму, символически отображая смысл, а не конкретно-чувственное наполнение. Символичность и относительность хронотопирования сохраняется вплоть до Высокого Средневековья: пейзаж абстрактен, портретное сходство не принципиально, герои рыцарского эпоса мало подвержены течению времени и скачкообразно преодолевают пространство [\[13\]](#).

Уже в Средние века закладываются перемены, подготовившие почву для ренессансного временения. Формируется вполне новоевропейский класс предпринимателей и торговцев, который знаменует рационализацию пространственно-временных концепций, как мифологической, так и христианской [\[14\]](#). Вместе с тем новое хронотопирование в существенной степени вызревало внутри католического культа: проникает в духовную жизнь догмат о филиокве, укрепляется верование в чистилище, происходит переосмысление аскетического идеала, связанное с фигурой св. Франциска Ассизского. Все это способствовало чувственно-материальному «повороту» и пространственному освоению земного мира, росту личностного рефлексивного фактора в самоосмыслении христианина.

К XIV веку существенные изменения картины реальности определили титульное для Ренессанса «открытие мира и человека» (Я. Буркхардт). В ренессансном ранжировании сущего вертикальная иерархия, восходящая к божественному, сменяется сближением горнего и дольного. Спациальные характеристики перестраиваются: протяженность маршрутов приобретает новое смысловое наполнение, прежде устойчивые границы локальных мест обитания становятся проницаемыми. Географические открытия Ренессанса расширили пространство, уничтожая белые пятна на картах. Открытия археологические вкупе с культурной ориентацией на античность выстроили связь с древними, формируя горизонт прошлого. Одновременно в утопических проектах Ренессанса начинается создание идеальных образов будущего. Дихотомия земного линейного времени и неизменной Вечности, соседствующая с аграрным круговращением, уступает место «пришествию времени на землю». В точке между прошлым и будущим обозначается омфал длящегося «здесь и сейчас».

Ренессансному хронотопированию, в котором человек становится точкой отсчета, соответствует новый образ телесности, которая теперь также подвержена основополагающей значимости пространства и времени, размечающих сущее. В официальной культуре Возрождения тело вписывается в систему микрокосмических иерархий. Костюм, танцевальные движения организуются в согласии со сформулированной Аньоло Фиренцуолой идеей статичного тела-пьедестала [\[15\]](#), этикетные установления регламентируют границу между внешним и внутренним. Новая телесная топография предполагает архитектурную иерархию «этажей» и отграниченное индивидуализированное начало [\[16\]](#).

Вместе с овладением хронотопом происходит пересимволизация конкретных ощущений. Различными мыслителями отмечалось усиление к раннему Новому времени роли зрения, которое теснит средневековый слух и остальные способы восприятия (концепция «визуальной отсталости» Люсьена Февра, «великий водораздел» Маршалла Маклюэна, исследования историков Школы «Анналов»). В официальном поле зрения надолго занимает место ключевого источника информации, обуславливая новоевропейские оптикоцентрические онтологии. «Вторичным» чувствам, которые со времен античности ассоциировались с животным началом, исторически не сообщался интеллектуальный

смысл. Урезание в правах «низших» чувств соответствует идее Н. Элиаса о процессе оцивилизации через отделение «животной» части и изменение «порога стыдливости» на фоне скученности людей в растущих городах модерна [17]. Иерархизация тела, усиление разграничения внешнего и внутреннего, новый телесный этикет, «тело-постамент» и «тело-бастион» — эти новшества Ренессанса отражают новое отношение к соматике.

В свою очередь, мифологическая интенция к невыделенности человека из природы дает о себе знать в неофициальной культуре и карнавальных практиках. Такие признаки гротеска являются, говоря в терминологии Ж. Батая, гетерогенными относительно официальной рамки. В Возрождении они проникают в гуманистическую словесность и живопись, существуя как инобытие официальных иерархий. Текущая топология и тяготение к «телесному низу» достигают апофеоза в фантастических изображениях Босха и Брейгеля. По мнению М. М. Бахтина, в ренессансном искусстве гротескная телесность отражает особую связь человека с пространственно-временным миром. Раблезианская гигантомания, оправдывающая физическую реальность, переоткрывает человека как меру всех вещей, а «пафос пространственных и временных далей и просторов» [18, с. 317], характерный также для Шекспира, Камюэнса, Сервантеса свидетельствует о доверии к земному миру.

На фоне восстановления физической реальности в правах тело сделалось важным предметом художественного интереса: развивается учение о пропорции, углубляется репрезентация индивидуальных переживаний, складывается жанр портрета. Новая человекомерная оптика обуславливает появление перспективы как «символической формы» (Э. Панофский). Ренессансный художник обретает способность творить собственное пространство и время, хронотоп картины. Существенные изменения, связанные со спатальными и темпоральными формами, происходят на территории романа [18]. С развитием придворно-аристократического и сценического танца появляются первые учебники по хореографии, которые фиксируют не только фигуры, но и кинестетический опыт танцора.

Нужно отметить, что вплоть до своего заката Ренессанс тяготел к единству духа и тела, предполагая имманентную одухотворенность мира, как это происходит, например, в неоплатонической философии. У Марсилио Фичино Бог и мир соединяются в целостную реальность на основании единой иерархии сущего, где происходит постоянный процесс нисхождения от высшего начала к низшему и восхождения снизу вверх. Личностный антропологический принцип христианской культуры встречается с космическими представлениями древности в ускользящем равновесии. Схожая гармония существовала на территории ренессансной живописи вплоть до появления тревожных барочных мотивов (например, в творчестве Микеланджело), обозначивших кризис Возрождения.

Стремление к органической чувственно-сверхчувственной целостности, напоминающее о мифопоэтическом ощущении живого космоса, также является одной из ключевых характеристик ренессанса как универсального феномена — как и обращение к первоисточкам, актуализация древности на фоне изменения картины реальности. Ресимволизация мира и человека с его телесностью и ощущениями, наделение их новыми (или переоткрытыми на новых основаниях старыми) смыслами — следствие переформатирования априорных форм чувственности, кодирующих феномены пространственно-временных координат. Таким образом, изменение хронотопирования в Возрождении способствовало динамичному развитию культуры и появлению новых форм

искусства, осмысляющего перепроценное сущее на своей территории.

Эстетический механизм Серебряного века

Перепроценка пространственно-временных координат, мировоззренческий сдвиг и динамичное развитие разных сфер духовной жизни сопутствовали и русской культуре конца XIX — начале XX в. Согласимся с М. А. Воскресенской в том, что поспешно было бы называть русский ренессанс, который реализовался в достаточно узкой группе культурной элиты «самостоятельной и полномасштабной культурно-исторической эпохой» [19]. Вероятно, ренессансам в истории суждено становиться все более локальными по мере усложнения и дробления культуры на дискурсы, как и длившиеся столетиями эпистемы к XX в. сменяются микро-эпистемами. Однако даже локальный в социальном отношении и прерванный октябрьским переворотом, русский Серебряный век оказался крайне плодотворным для отечественного пространства смыслов периодом, повлиявшим в том числе на западную культуру.

Конец XIX в. был отмечен изменениями, связанными с научно-технической революцией. Человек осваивал среду обитания, представленную большими городами, механизмами и путями сообщения. Предваряющим Серебряный век умонастроениям, которые П. П. Сувчинский характеризовал как «нигилистическое безумие», соответствовал хронотоп, ориентированный на идеи прогресса, поступательного развития, наращивания мощностей. Время технологического хронотопа ускоряется, пространство оказывается детально размеченным и расколдованным. Ритм жизни мегаполисов, как одним из первых отметил Г. Зиммель, предполагал новый тип индивидуальности, ориентированный на быструю смену впечатлений, рассудочность, обезличенность городских экономических отношений [20]. Рост утилитаризма и функционализма в техническом мире грозили механизацией духа и разума, утратой человеческой целостности. Позитивистскому мировоззрению, определенному Ф. Г. Юнгером как формирование «вероучения механического движения», соответствовали натуралистические и реалистические тенденции в искусстве. Таковы пространственно-временные расположения и их следствия, задающие парадигму отчуждения, от которой отталкиваются деятели Серебряного века.

Ревизия мировоззрения, предпринятая русским ренессансом, требовала обращения к прочным основам, новых культурных синтезов, поиска трансцендентной глубины. Поисковая интенция находит внешнее выражение в скитаниях, как литературных (образы экзотических стран, древних империй, сказочных царств в искусстве), так и физических, как в случае с поэтом-странником Николаем Гумилевым. Не зря образы странствий, прохождения мимо, случайных встреч оказываются ключевыми для искусства начала XX века. Как и в эпоху Ренессанса, пафос пространства приобретает в поэтике Серебряного века большую значимость. Это уже не то оптимистическое «доверие к земному миру», которое обнаруживал М. М. Бахтин в словесности Ренессанса, а, скорее, хронотопология пути очарованного странника, который стремится отвоевать измерение духа у цивилизации. Тем не менее, Серебряный век развернул масштабную программу, направленную на изменение мира — как минимум, утопически декларируемое на территории искусства и философии.

В художественных и религиозно-философских концепциях пространство перестает быть неживой субстанцией, простымместилищем материальных тел. Теперь это оживленное пространство с качественной разметкой, полное иерофаний. Формулируя свой «эллинизм русской поэзии», О. Мандельштам определял его как «сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов, очеловечивание окружающего мира,

согревание его тончайшим телеологическим теплом» [\[21, т. 2, с. 182\]](#). Качественное измерение в мировоззрении Серебряного века приобретает и время, которое перестает быть дурной бесконечностью эволюционизма — теперь это экзистенциальное нелинейное время, для которого внутренняя связь явлений более значима, чем их последовательная организация.

Хронотопу культуры Серебряного века соответствует новое представление о человеке, который в контексте духовных поисков эпохи трактуется как «воплощение бесконечного в конечном» [\[22\]](#). Как и эпоха Возрождения, русский Серебряный век стремится к гармонизации духа и тела, небесного и земного, вырабатывая концепт духовно-телесного преображения. Тело в хронотопе русского ренессанса подвержено преображению вместе со всей действительностью и служит инструментом эстетизации. Проявленная в поэзии, живописи, поведении идея становится для этой эпохи реальным способом бытия, исходя из которого реальность воспринимается мифопоэтически. Соматическая проблематика культуры рубежа XIX-XX веков — важная часть религиозно-философских исканий. В учениях Н. Бердяева и В. Соловьева тело, в согласии с платоновски-христианской линией, представляет пассивную «хору», а обладающая собственной автономией плоть просветляется и одухотворяется. Другой подход, ориентированный на осмысление трансгрессивных телесных переживаний и дионисийских «экстазов», можно обнаружить у В. Розанова, Д. Мережковского и в концепции дионисизма Вяч. Иванова. В повседневных практиках интерферирование телесного и духовного определяет телесный код. Выразительные внешние формы богемной среды (дендизм, жизнотворчество, театральность) гиперболизированно отражали глубинные трансформации мироощущения, так или иначе свойственные модернистской культуре. Как отмечает в своем опыте топологической рефлексии И. Кребель [\[23\]](#), для Серебряного века были крайне важны ритм, тело, пространственное положение, которые становятся способом обживания реальности как живого космоса.

В этой связи перспективным представляется описание новой символизации ощущений в культуре русского ренессанса, который предполагал преодоление оптикоцентризма через идею синтеза искусств, видел в свободном танце пластическое преодоление прежних иерархий [\[24\]](#), воспевал ольфакторное и густическое в поэзии, реабилитирует онейрическое (сны и разного рода «грезы»). Революция Серебряного века — безусловно религиозно-философская, идейная, но также и сенситивная.

Миро моделирующие коды, сопутствующие новому хронотопированию, сказываются в новых художественных формах Серебряного века. Где очарованный странник может найти пристанище в поисках утраченной целостности? Искусство русского модернизма осваивает разные времена и пространства. Как и Ренессанс, оно обращается за синтезом к древности (античности и собственной архаике), ищет вдохновения на Востоке. Художественное здесь выступает как способ фиксации картины мира и свидетельство актуального хронотопирования реальности; одновременно новым хронотопом становится само время-пространство искусства, которое признавалось в культуре Серебряного века основным методом преображения повседневной жизни и мира в целом. В художественном творчестве русского модернизма обнаруживаются свои для каждого направления и автора способы перекодировки феноменов. Так, например, если в поэзии символизма мир наполнен аллегориями, а феномены отсылают к высшей реальности грезы и тайны, то акмеизм предлагает феноменологическое переоткрытие вещей и одухотворение повседневности.

Обращение к прошлому и будущему, актуализация древности в настоящем с целью

обретения единства в духе и теле — характерные эстетические черты ренессансной универсальной культуры, проявленные в русском Серебряном веке.

Заключение

Основания универсальности ренессанса как метаисторического явления или свойства культуры могут быть, таким образом, обнаружены в общем для «возрождений» эстетическом механизме. Его мы предлагаем описать как процесс трансформации априорных форм чувственности — перепрочтение культурой актуального хронотопирования. Вслед за пространственно-временными координатами менется кодируемый ими феноменальный контент; меняются смыслы и символическое наполнение объектов, понимание человека. Обновлению образа реальности сопутствует «взрыв» (М. Лотман) художественных и мировоззренческих поисков, высокая интенсивность культуры. Результатом нового временения, определяющего картины мира и образа субъекта, становится развитие мысли, освоение новых художественных форм, большое количество новых имен и фигур в философии, искусстве, в общественной жизни. Эти явления заметны в западноевропейском Возрождении и русском Серебряном веке, и эта же модель эстетического механизма может применяться для эстетической аналитики плодотворных культурных изменений в разные эпохи.

Библиография

1. Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада / Пер. с англ. А. Г. Габричевского. СПб.: Азбука-классика, 2006.
2. Ермичёв А.А. Суждения Н.А. Бердяева о «русском культурном ренессансе» и настоящее значение этого термина // *Studia culturae*. 2002. №2. С. 90-99.
3. Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль и революция // *Версты*. 1928. № 3. С. 40-62.
4. Шестаков В.П. Ренессанс – рассвет или закат Европы? // *Вопр. филос.* 2007. № 4. С. 158-170.
5. Бонецкая Н.К. Дух Серебряного века. К феноменологии эпохи. СПб.; Алетея, 2022.
6. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел / Пер. с англ. Ронен О. М.: ОГИ, 2000.
7. Пудов А. Г. Факторы и критерии культурного ренессанса как отражения взаимодействия этнического символизма и знаковости массовой культуры: на примере якутской культуры // *Манускрипт*. 2021. Том 14. Выпуск 10. С. 2154-2161.
8. Крохина Н. П. Антропокосмизм, или ренессансная парадигма культуры Серебряного века // *Вестник ННГУ им. Н.И.Лобачевского*. 2010. № 4 (20). С. 219-255.
9. Петров М.Т. Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов. Л.: Наука, 1989.
10. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993.
11. Соколов Б.Г. Трансформация форм чувственности // *Вестник СПбГУ*. 2014. № 2. С. 39-47.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.
13. Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
14. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Пер. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
15. Фиренцуола А. О красотах женщин / О любви и красотах женщин. Трактаты о любви эпохи Возрождения. Сост. и автор вст.ст. Шестаков В.П. М.: Республика, 1992.
16. Вигарелло Ж. Искусство привлекательности: История телесной красоты от Ренессанса до наших дней / Пер. с французского А. Лешневской. М., 2013.
17. Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Москва; СПб.: Университетская книга, 2001.

18. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.
19. Воскресенская М. А. Серебряный век и русский ренессанс: к вопросу о содержании и соотношении понятий // Университетский научный журнал. 2015. № 14. С. 32-43.
20. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. №3 (34). С. 1-12.
21. Мандельштам О. Э. О природе слова / Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990.
22. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.
23. Кребель И. А. Мифопоэтика Серебряного века: Опыт топологической рефлексии. СПб.: Алетейя, 2010.
24. Сироткина И.Е. Свободное движение и пластический танец в России. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье осуществляется попытка сравнения двух эпох в истории культуры – эпохи Возрождения и русского «Серебряного века». При этом, однако, сравниваются не столько сами эпохи, сколько их «принципы», главным образом, в связи с изменением отношения к телесности и в связи с преобразованием «оптики восприятия» реальности. Статья представляет определённый интерес для читателя, хотя в процессе изучения текста и возникает множество вопросов и критических замечаний. Так, автор совершенно обходит вниманием вопрос о различии социально-экономических оснований изменений в культуре, имевших место в продолжение двух указанных эпох. Если западноевропейский Ренессанс – эпоха «раннебуржуазная», то русский «Серебряный век» возникает в совсем иных социальных условиях, когда буржуазное общество сталкивается уже со своими собственными проблемами, а не пытается разрешить проблемы предшествующей эпохи. Соответственно, общее философско-эстетическое «настроение» эпох оказывается принципиально различным: в первом случае – оптимистичный и несколько наивный взгляд в будущее того «Человека», которого открывает возрождение, во втором – изысканная и уже пресыщенная тонкость суждений о том же «Человеке», обусловленная накопленным (в том числе, и драматичным, опытом самопознания). Конечно, автор мог бы возразить, что он соотносит «принципы», а не конкретно-историческую «ткань» эпох в истории культуры, но в таком случае возникает и вопрос о целесообразности (плодотворности) сравнений «только принципов». Много ли мы можем узнать о каждом из этих культурных феноменов, если игнорируем их социальную обусловленность? Неудивительно в этой связи, что в статье явно недооцениваются бросающиеся в глаза различия между сравниваемыми способами восприятия мира. Сам автор, впрочем, замечает, что сравнение, к которому он привлекает внимание читателя, «лежит на поверхности», поскольку «культурная ситуация Европы XV века отлична от России конца XIX века», однако, оправдывает свой подход автор, «в обоих случаях речь идет о поиске духовно-эстетического синтеза, характерного для ренессанса как мета-явления». Да, подобного рода соотнесения в истории культуры не редкость, вспомним хотя бы о «греческом Просвещении», V в. до н.э., но во всех подобных случаях целесообразность соотнесения «принципов» может быть оправдана только полученными содержательными результатами, а в рецензируемой статье, признаем, автору всё же не удалось в результате предпринимаемого сравнения увидеть нечто, что было бы неизвестно и до этого (об этом свидетельствует и

закключение). В тексте имеется принципиальная ошибка концептуального характера: «процесс трансформации априорных форм чувственности»; разумеется, «априорные формы» трансформироваться не могут, на то они и априорные, да и вообще, кантовская, как и хайдеггеровская, проблематика в такой статье избыточна, она, скорее, путает, чем проясняет проблему. Далее, вопросы возникают и в связи с использованием литературы, причём иногда возникает даже недоумение: автор вовсе не упоминает труд А.Ф. Лосева, но у него находится место для совсем не обязательного в этом случае Хайдеггера. Стиль статьи и оформление текста не вызывают больших нареканий, но местами стиль страдает искусственным усложнением: «культурная фундированность актуального временения» (можно было сказать это и без насилия над русским языком); «эстетический механизм ренессанса» («эстетический механизм» везде следует брать в кавычки, если уж от этого выражения нельзя избавиться, а «Ренессанс» везде следует писать с заглавной буквы, даже если он и берётся лишь как «принцип»); «ренессансное хронотопирование» (опять искусственное усложнение), и т.п. Несмотря на высказанные замечания, однако, в статье имеется оригинальное содержание, которое может быть интересно читателю, рекомендую опубликовать её в научном журнале.

Англоязычные метаданные

The relationship of human rights and freedoms in the context of justice

Ismailov Nurmagomed Omarovich

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Department of Humanities of the Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2 Leningradsky Prospekt str., office 0617, Moscow, 125167, Russia

✉ NOIsmailov@fa.ru

Abstract. The problem of interrelation and interdependence of various human and civil rights and freedoms in the light of the concept of social justice is investigated. The problem of a fair measure of human and civil rights and freedoms is considered, it is argued that a fair measure of rights and freedoms in any sphere of human activity should initially proceed from the idea of natural human rights to life, freedom and property, but this measure should be conditioned by the concrete historical realities of a given society. The author considers social justice as a measure of freedom. In the course of researching issues related to the problem of human rights and freedoms, the author proceeds from the theoretical position that all economic, political and spiritual rights and freedoms are interrelated and mutually conditioned. The author explores the problem of human rights and freedoms and social justice using the principle of development, an axiological approach and a criterion of practice. The author explores various aspects of freedom from the point of view of the concept of social justice, in the context of the relationship between freedom and responsibility, rights and duties. The problem of various human rights and freedoms is studied by the author in the context of their interrelation and interdependence. It is argued that the basis of political and spiritual freedom is, first of all, economic freedom, but at the same time the value of spiritual and political rights and freedoms in themselves is emphasized. The author interprets the problem of human rights and freedoms and social justice as tools in reflecting the realities of the modern world and tries to identify ideas in them that can be used in modern society to solve existing problems in it. The problem requires further investigation.

Keywords: state, duties, responsibility, morality, equality, measure of freedom, freedom, social justice, law, interests

References (transliterated)

1. Akhmedova M. G. Ustoichivoe razvitie obshchestva v usloviyakh sotsial'nogo neravenstva // Materialy Afanas'evskikh chtenii. 2014. № 12. S. 70-73.
2. Baranov P. P., Shpak V. Yu. Politicheskoe pravo v mnogoobrazii svoikh opredelennostei: filosofskii analiz // Filosofiya prava. 2007. № 1 (20). S. 7-15.
3. Bekon F. Sochineniya v dvukh tomakh. T. 2. M.: Mysl'. 1972. – 582 s.
4. Ismailov N. O. Kontseptsiya spravedlivosti Dzhona Lokka // Sotsiodinamika. 2022. № 9. S. 10-17.
5. Ismailov N. O. Prava i svobody cheloveka v svete kontseptsii spravedlivosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014, № 3. S. 36-40.
6. Ismailov N. O. Sotsial'naya spravedlivost' i razvitie lichnosti // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i

- gumanitarnye nauki. 2014. № 1 (26). S. 40-45.
7. Ismailov N. O. Spravedlivost' kak mera svobody // Sotsiologiya vlasti. 2009, № 7. S. 136-144.
 8. Kovalev A. M. Spravedlivoe obshchestvo – utopiya ili vozmozhnost'. M.: Sovremennye tetradi, 2005. – 698 s.
 9. Komarov S. A., Rostovshchikov I. V. Lichnost'. Prava i svobody. Politicheskaya sistema. SPb.: Izd-vo Yuridicheskogo instituta, 2002. 334 s.
 10. Lokk D. Sochineniya V 3-kh t. T. 3. M.: Mysl', 1988. 699 s.
 11. Mironov V. V. Vlast' kak predmet sotsial'no-filosofskoi refleksii // Voprosy filosofii. 2018. №12. S. 69-72.
 12. Moskalenko S. G. Topologicheskaya spetsifika politiko-pravovogo razvitiya rossiiskoi tsivilizatsii // Filosofiya prava. 2023. № 2 (105). S. 212-219.
 13. Russo Zh. Zh. Traktaty. – M.: Nauka, 1969. – 712 s.
 14. Fromm E. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya. – M.: AST, 2006. 571(5)s.
 15. Rawls J., Political Liberalism. New-York: Columbia University Press, 1993. 464 p.

The rebirth of metaphysics and relevance of dialectics

Nekrasov Stanislav Nikolaevich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Culturology and Design, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Chief researcher of Ural State Agrarian University

620002, Russia, Sverdlovskaya oblast', g. Ekaterinburg, ul. Mira, 19, of. I-314

✉ nekrasov-ural@yandex.ru

Abstract. At the new turn of historical development, it is necessary to turn to the understanding of dialectics and the newest forms of metaphysics, recognizing the objective dialectic of the material world, which is reflected in the subjective dialectic of concepts. For Aristotle's formal logic, there are true judgments and false judgments, and if we take the law of the excluded third, then even stricter: either yes or no. However, the metaphysical way of understanding reaches a limit beyond which it becomes limited and entangled in contradictions, since it deals with objects as unchangeable. Sophistry was revived recently in the third millennium, because capitalism needs it in the context of the digital transformation of the state and the current controversy over the new world War reveals a lot of techniques of sophistic thinking. Formal logic works fine in the conditions of everyday practical relations of people however, knowledge of dialectical logic is required to solve the global problems of our time.

Keywords: capitalism, dialectical logic, narrow horizon, the law of the excluded third, formal logic, metaphysics, dialectics, historical development, world war, sophistry

References (transliterated)

1. Lenin V.I. Poln. sobr. soch., M.: IPL, 1969. T. 29. – 782 s.
2. Antologiya mirovoi filosofii v chetyrekh tomakh. M.: Mysl'. 1969. T. 1. Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya. Ch. 1. – 576 s.
3. Taina romashki. Kak gadat' i uznat' o svoem budushchem. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://astralpro.ru/divination/gadanie-na-romashke>

4. Marks K., Engel's F. Soch. 2 izd., M.: GIPL, 1955. T. 20. – 651 s.
5. Marks K., Engel's F. Soch. 2 izd., M.: GIPL, 1961. T. 21. – 745 s.
6. Lev Nikolaevich Tolstoi. Smert' Ivana Il'icha.-[Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.tolstoy.ru/online/online-fiction/smert-ivana-ilyicha/index.xhtml>
7. Bulat Okudzhava — Anton Palych Chekhov odnazhdy zametil.-[Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rustih.ru/bulat-okudzhava-anton-palych-chexov-odnazhdy-zametil/?ysclid=Imgryc57iu944933502>
8. Nikolaev I.V. Logika (Uchebnoe posobie dlya srednikh uchebnykh zavedenii). Sankt-Peterburg: Leningradskii oblastnoi institut razvitiya obrazovaniya. 1998. – 102 s.
9. Permyakov A. Zakharova obvinila glavu EK vo lzhi iz-za slov o bombardirovках Khirosimy. Chto skazala fon der Lyaen. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/09/22/17626033.shtml>
10. V Kremle obvinili Klinton v podmene ponyatii posle ee slov o Putine i NATO. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20230927/obraschenie-1898939492.html>
11. Zhirinovskii nashel v Izraile mogilu ottsa i obrel kuzena. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20060625/49993086.html?ysclid=Indedh376l2833458>

Globalization in the format of multipolarity: philosophical and worldview foundation of globopolycentrism

Guryanov Nikolay Yuryevich

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of Humanities, Medical University «Reaviz»

443001, Russia, Samara region, Samara, Chapaevskaya str., 227

✉ nik.guryanow@yandex.ru

Guryanova Anna Victorovna

Doctor of Philosophy

Guryanova Anna Victorovna - PhD in Philosophy, Professor, Head of Philosophy and History Department, Samara State University of Economics

141 Sovetskaya Armiya str., office 207d, Samara region, 443090, Russia

✉ annaguryanov@yandex.ru

Abstract. The subject is multipolar globalization formed in the context of globomonocentrism and globopolycentrism confrontation. The aim is to study the process of globalization in its main (current and potential) manifestations, including bipolar, unipolar and multipolar models. Their essence and specificity are considered, their effectiveness is assessed, philosophical and worldview foundation is found. F. Fukuyama's, S. Huntington's, Z. Brzezinski's conceptions are analyzed as a philosophical and worldview foundation of globomonocentrism; philosophical ideas of N. Y. Danilevsky, K. N. Trubetskoy, P. N. Savitsky — of globopolycentrism. It's concluded that there's a need to revise the global world order from a unipolar to a multipolar format. The importance of globopolycentrism as an alternative development strategy opposing neocolonialism is emphasized. Constructing a multipolar world is necessary to strengthen the civilizational sovereignty of modern Russia and other countries of the world. The article uses historical, logical and comparative methods of analysis, the civilizational approach as a methodological instrument to substantiate the multipolarity.

The main conclusions are the following: globalization as a form of interaction between civilizations isn't identical to globomonocentrism. It's one of the forms (not the only and not the most perfect) of constructing the interaction of civilizations. Modern globomonocentrism (in fact, americanocentrism) tries to reconstruct the world in the interests of a neocolonial regime. An alternative form of civilizational coexistence, providing protection from neocolonialism, is a multipolar world. Today we can't talk about abandoning globalization as a whole, only about changing its format from unipolar to multipolar globalization. Multipolarity basing on the worldview principle of globopolycentrism perceives other (not only highly developed) countries as equal partners. The globopolycentric model of a multipolar world has flaws as well as the bipolar and unipolar models, but it's much more connected with objective reality and, therefore, gives humanity a chance to overcome global geopolitical crises.

Keywords: West, Russia, multipolar world, unipolar model, bipolarization, globopolycentrism, globomonocentrism, globalization, antagonism, Westernization

References (transliterated)

1. Boskhomdzhiyev D. G. Vyyavlenie tendentsii razvitiya globalizatsii na osnove kontseptsii voln globalizatsii // Vestnik instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii. 2014. № 2(29). S. 28–33.
2. Bzhezinskii Z. Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy. M.: AST, 2023.
3. Vasil'ev S. V. K voprosu o mnogopolyarnom mire: kontseptual'nyi vzglyad sovremennykh rossiiskikh filosofov i politologov // Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istorii. Novosibirsk: SibAK, 2015. S. 6–10.
4. Galkin A. A. Globalizatsiya // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. T. 7. M.: BRE, 2007. S. 245–247. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/2364517> (data obrashcheniya: 27.03.2024).
5. Globalizatsiya // Novyi diplomaticheskii slovar'. T. 1 / Pod red. A.V. Yakovenko. M.: Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii, 2022. URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/globalizatsiya/> (data obrashcheniya: 27.03.2024).
6. Gur'yanova A. V., Timofeev A. V. Noosfernaya globalizatsiya v kontekste modeli ustoychivogo razvitiya // Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2023. № 1(37). S. 103–110.
7. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011.
8. Drobinin A. Yu. Obraz mnogopolyarnogo mira. Tsivilizatsionnyi faktor i mesto Rossii v formiruyushchemsya miroporyadke // Rossiya v global'noi politike. 2023. T. 21. № 2(120). S. 54–62.
9. Dugin A. G. Mnogopolyarnost' i teorii globalizatsii // KATEHON. 08.01.2016. URL: <https://katehon.com/ru/article/mnogopolyarnost-i-teorii-globalizatsii> (data obrashcheniya: 27.03.2024).
10. Dugin A. G. Teoreticheskie osnovy mnogopolyarnosti. Filosofiya mnozhestvennosti // KATEHON. 08.01.2016. URL: <https://katehon.com/ru/article/teoreticheskie-osnovy-mnogopolyarnosti-filosofiya-mnozhestvennosti> (data obrashcheniya: 27.03.2024).
11. Zheleznyak A. V. Globalizatsiya: opredelenie i tipologiya // Science Time. 2015. № 10(22). S. 87–92.
12. Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai» // Prezident Rossii.

- 27.10.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (data obrashcheniya: 03.03.2024).
13. Zolkin A. L. Problema tsivilizatsionnogo suvereniteta Rossii v sovremennom mnogopolyarnom mire // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2015. № 4. S. 16–22.
 14. Kostin A. I., Borozdin A. N. Globalizatsiya i geopolitika Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 8. S. 56–61.
 15. Levitt T. Globalizatsiya rynkov // Klassika marketinga: Sbornik rabot, okazavshikh naibol'shee vliyanie na marketing. SPb.: PITER, 2001. S. 75–91.
 16. Leont'ev K. Tsvetushchaya slozhnost'. Izbrannye stat'i. M.: Molodaya gvardiya, 1992.
 17. Mutalimov V. A. Realii i perspektivy sovremennoi globalizatsii // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. 2018. № 7. S. 107–111.
 18. Okunev I. Yu. Rossiya i mnogoobrazie okulyarov. Mir odnopolyarnyi, bipolyarnyi, mnogopolyarnyi ili bespolyarnyi? // Rossiya v global'noi politike. 2020. T. 18. № 1(101). S. 41–46.
 19. Savitskii P. N. Russkaya Evraziya v proshlom i budushchem. M.: Rodina, 2023.
 20. Todd E. Posle imperii. Pax Americana — nachalo kontsa. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004.
 21. Trubetskoi N. S. Evropa i Evraziya. M.: Rodina, 2022.
 22. Fedorchenko S.N. Mnogopolyarnost' // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. 22.12.2023. URL: <https://bigenc.ru/c/mnogopolyarnost-9fa3ab> (data obrashcheniya: 27.03.2024).
 23. Fukuyama F. Konets istorii i poslednii chelovek. M: AST, 2023. 576 s.
 24. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii. M.: AST, 2022.
 25. Guryanova A. V., Khafiyatullina E. R., Guryanov N. Yu. Social Inequality in Technological Transformation of Society and Economy // Economic and Legal Foundations of Innovative Development in the Digital Age. NY: Nova Science Publishers, 2022. P. 35–45. DOI: 10/52305/EKWM489

Typology of philosophical worldviews: pantheism and its varieties

Nizhnikov Sergei Anatolyevich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of History of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ nizhnikov-sa@rudn.ru

Martseva Anna Vladimirovna

PhD in Philosophy

Assistant professor, Department of History of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ martseva-av@rudn.ru

Lagunov Aleksey Aleksandrovich

Abstract. The article is a continuation of the publication in which the authors proposed the identification of three types in the diversity of philosophical worldviews (naturalistic, pantheistic and transcendental), and also analyzed the first type. In this study, by analogy with the naturalistic worldview, the pantheistic worldview is considered for the adequacy of solving cardinal philosophical problems in it: the existence of the Absolute, the root cause of the universe and the source of movement, theodicy, the possibility of substantiating morality and humanism. According to the authors, unlike adherents of naturalism, which is unable to answer cardinal philosophical questions based on the concept of matter, pantheistic thinkers were fully aware of the necessity and inevitability of thinking about the Absolute. At the same time, it is pointed out that the Absolute of pantheism is not absolute, since it is not perfection. Because of this, within the framework of this worldview, theodicy is impossible (evil is forced to be placed in the Absolute itself), as well as the justification of freedom, without which, in turn, it is impossible to justify morality. The philosophical and methodological basis of the research is the phenomenological approach, according to which the cognitive intention should ensure the achievement of direct contact with an object that has a genuine essence, which makes it possible to fully reveal its existential content. The elements of scientific novelty are possessed not only by the conceptualization of types of philosophical worldviews carried out in a series of articles, but also by the author's division of pantheism into types: naturalistic (God in nature: B. Spinoza), genotheistic ("germination" of God into the world: Empedocles), mystical or panentheism (nature in God: F. Schelling, S. L. Frank), dynamic or dialectical (G. Hegel), existential (M. Heidegger). It is noted that with rare exceptions, Russian metaphysical thought, which developed within the framework of V. Solovyov's philosophy of unity, which was strongly influenced by the philosophical constructions of G. Hegel and F. Schelling, could not overcome the boundaries of panentheism and reach a worldview of a transcendent type, recognizing the transcendent as an ontological category and carrying out transcendence to it, relying on it, which can be to define it as spiritual cognition, the existential-phenomenological analysis of which is planned to be carried out in the next publication.

Keywords: materialism, worldview, transcendentalism, panentheism, pantheism, theodicy, Absolute, metaphysics, naturalism, all-Unity

References (transliterated)

1. Nizhnikov S. A., Lagunov A. A. Tipologiya filosofskikh mirovozzrenii. Problemy naturalisticheskogo mirovozzreniya // *Filosofskaya mysl'*. 2024. № 1. S. 56-68.
2. Semushkin A. V. Empedokl. M.: «Mysl'», 1994.
3. Sokolov V. V. Filosofskii sintez Gotfrida Leibnitsa // G. V. Leibnits. Soch. v 4 t. T. 1. M.: Izd-vo «Mysl'», 1982. S. 5-36.
4. Spinoza B. Sochineniya: V 2 t. T. II. SPb.: Nauka, 2006.
5. Zhuravlev O. V. Panenteizm: filosofsko-religioznaya doktrina i sotsiokul'turnoe yavlenie // *Teoreticheskaya konferentsiya «Religiya i ateizm v istorii kul'tury»*. L.: Nauka, 1989. S. 66-68.
6. Bondareva Ya. V. Russkaya religioznaya filosofiya mezhdru transtsendentizmom i

- panteizmom (k voprosu o metodologicheskikh osnovaniyakh russkoi religioznoi Filosofii) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2011. № 2. S. 78-85.
7. Khaidegger M. Iz razgovora otnositel'no yazyka mezhdru Yapontsem i voprosnayushchim // Vremya i bytie. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. S. 273-301.
 8. Problema cheloveka v zapadnoi filosofii. M.: «Progress», 1988.
 9. Yakobi F. [Poslednee slovo k sovremennikam] // Fridrikh Yakobi: vera, chuvstvo, razum. M.: Progress-Traditsiya, 2010. S. 553-559.
 10. Losev A. F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. M.: «Mysl'», 1993.
 11. Lagunov A. A. Mirovozzrencheskaya involyutsiya: prichiny, posledstviya i perspektivy: Monografiya. M.: INFRA-M, 2022.
 12. Gaidenko P. P. Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka. M.: Progress-Traditsiya, 2001.
 13. Florovskii G. V. Metafizicheskie predposylki utopizma // Iz proshlogo russkoi mysli. M.: «Agraf», 1998. S. 265-292.
 14. Losev A. F. Dialektika mifa. M.: Mysl', 2001.
 15. Nizhnikov S. A. Metafizika very v russkoi filosofii: Monografiya. M.: INFRA-M, 2017.
 16. Berdyaev N. A. Opyt filosofskogo opravdaniya khristianstva (O knige V. Nesmelova «Nauka o cheloveke») // Nesmelov V. I. Nauka o cheloveke. K., 1994. S. 29-53.
 17. Berdyaev N. A. Dukh i real'nost' // Filosofiya svobodnogo dukha. M.: Respublika, 1994. S. 364-462.
 18. Berdyaev N. A. Filosofiya svobodnogo dukha. M.: Respublika, 1994.
 19. Meiendorf I. Pravoslavie i sovremennyi mir. Minsk: «Luchi Sofii», 1995.

Renaissance as an Aesthetic Mechanism: the Renaissance and the Russian Silver Age

Zagryadskaya Alisa Sergeevna

Postgraduate

199034, Russia, g. Saint Petersburg, ul. Mendeleevskaya Liniya, 5

✉ zagryadska@mail.ru

Abstract. The object of this study is the phenomenon of renaissance in culture, the subject area is the causes and mechanism of the deployment of Renaissance processes. The problems we are starting from are the blurring of the term "renaissance" in humanitarian studies and the lack of its conceptualization from the point of view of aesthetic sensuality. One of the well – established perspectives of the Renaissance phenomenon is its generalization as a universal phenomenon. Understanding the "renaissance" as a recurring event and a feature of culture raises the question of the foundations and characteristics of the "Renaissance". The article identifies such signs from the standpoint of philosophical aesthetics, referring to the changes in the spatial-temporal concepts of the European Renaissance and the Russian Silver Age, as well as the productive consequences of this recoding. The originality of the author's approach lies in the fact that the approach to the topic is carried out through the study of historical transformations of sensuality and sensitivity, which have not yet received a detailed understanding of aesthetics. To describe cultural revivals as aesthetic processes, the concept of the "aesthetic mechanism" of the Renaissance is proposed, based on the idea of changing

chronotopes. The main conclusions are that the re-symbolization of space and time, defined by I. Kant as a priori forms of sensuality, causes a change in the phenomena organized by them, and the result of changing the worldview and the existential position of the subject is the intensification of culture, which constitutes the Renaissance.

Keywords: aesthetic mechanism, time and space, chronotoping, sensuality, a priori forms of sensuality, cultural renaissance, Russian renaissance, aesthetics of the Silver Age, Renaissance aesthetics, the aesthetic mechanism of the Renaissance

References (transliterated)

1. Panofskii E. *Ренессанс и «renessansy» v iskusstve Zapada* / Per. s angl. A. G. Gabrichevskogo. SPb.: Azbuka-klassika, 2006.
2. Ermichev A.A. Suzhdeniya N.A. Berdyayeva o «russkom kul'turnom renessanse» i nastoyashchee znachenie etogo termina // *Studia culturae*. 2002. №2. S. 90-99.
3. Berdyayev N.A. *Russkaya religioznaya mysl' i revolyutsiya* // *Versty*. 1928. № 3. S. 40-62.
4. Shestakov V.P. *Ренессанс – rassvet ili zakat Evropy?* // *Vopr. filos.* 2007. № 4. S. 158-170.
5. Bonetskaya N.K. *Dukh Serebryanogo veka. K fenomenologii epokhi*. SPb.; Aleteiya, 2022.
6. Ronen O. *Serebryanyi vek kak umysel i vymysel* / Per. s angl. Ronen O. M.: OGI, 2000.
7. Pudov A. G. *Factory i kriterii kul'turnogo renessansa kak otrazheniya vzaimodeistviya etnicheskogo simvolizma i znakovosti massovoi kul'tury: na primere yakutskoi kul'tury* // *Manuskript*. 2021. Tom 14. Vypusk 10. S. 2154-2161.
8. Krokhina N. P. *Antropokosmizm, ili renessansaya paradigma kul'tury Serebryanogo veka* // *Vestnik NNGU im. N.I.Lobachevskogo*. 2010. № 4 (20). S. 219-255.
9. Petrov M.T. *Problema Vozrozhdeniya v sovetskoj nauke. Spornye voprosy regional'nykh renessansov*. L.: Nauka, 1989.
10. Shpengler O. *Zakat Evropy*. M.: Iskusstvo, 1993.
11. Sokolov B.G. *Transformatsiya form chuvstvennosti* // *Vestnik SPbGU*. 2014. № 2. S. 39-47.
12. Khaidegger M. *Bytie i vremya* / Per. s nem. V.V. Bibikhina. Khar'kov: Folio, 2003.
13. Gurevich A.Ya. *Kategorii Srednevekovoi kul'tury*. M.: Iskusstvo, 1984.
14. Le Goff Zh. *Drugoe Srednevekov'e: Vremya, trud i kul'tura Zapada* / Per. s frants. S. V. Chistyakovoi i N. V. Shevchenko. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000.
15. Firentsuola A. *O krasotakh zhenshchin / O lyubvi i krasotakh zhenshchin. Traktaty o lyubvi epokhi Vozrozhdeniya*. Sost. i avtor vst.st. Shestakov V.P. M.: Respublika, 1992.
16. Vigarello Zh. *Iskusstvo privlekatel'nosti: Istoriya telesnoi krasoty ot Renessansa do nashikh dnei* / Per. s frantsuzskogo A. Leshnevskoi. M., 2013.
17. Elias, N. *O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya*. Moskva; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
18. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* // *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let*. M.: Khudozh. lit., 1975. S. 234-407.
19. Voskresenskaya M. A. *Serebryanyi vek i russkii renessans: k voprosu o sodержanii i sootnoshenii ponyatii* // *Universitetskii nauchnyi zhurnal*. 2015. № 14. S. 32-43.

20. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' // Logos. 2002. №3 (34). S. 1-12.
21. Mandel'shtam O. E. O prirode slova / Sochineniya: v 2 t. M.: Khudozh. lit., 1990.
22. Zhirmunskii V. M. Teoriya literatury. Poetika. Stilistika. L.: Nauka, 1977.
23. Krebel' I. A. Mifopoetika Serebryanogo veka: Opyt topologicheskoi refleksii. SPb.: Aleteiya, 2010.
24. Sirotkina I.E. Svobodnoe dvizhenie i plasticheskii tanets v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.